

Ирина Градова

Наблочные ЭФФЕКТЫ

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Кабинетный детектив

Ирина Градова

Побочные эффекты

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Побочные эффекты / И. Градова — «Эксмо»,
2022 — (Кабинетный детектив)

ISBN 978-5-04-167329-1

Следователь Алла Суркова разбирается с делом об исчезновении людей, которые продали свои квартиры и куда-то пропали. Это расследование пересекается с другим: Олег Князев исчез по дороге в некую общину. Выясняется, что по пути он погиб в автокатастрофе, но Алла не верит в случайность этой аварии. Не хочет смириться с гибелью Олега и его брат — врач-хирург Владимир Князев по прозвищу Мономах. Чтобы найти убийцу, он готов внедриться в общину... Героини остросюжетных романов Ирины Градовой очаровательны, стремительны и непредсказуемы, как океанская волна — самая настоящая стихия. Этих бесстрашных и обаятельных женщин ждут невероятные приключения, а читателей — увлекательные романы, от которых просто невозможно оторваться.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-167329-1

© Градова И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	46
-----------------------------------	----

Ирина Градова Побочные эффекты

© Градова И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Мономах устало опустил в свое кресло и вытянул под столом затекшие ноги: он устал, а ведь до конца рабочего дня еще так далеко! Он не привык трудиться в авральном режиме. Его клиника хоть и находилась в списке учреждений, оказывающих экстренную медицинскую помощь, на самом деле занималась этим нечасто: для таких вещей существует, к примеру, больница МЧС. Однако сегодня на пересечении Северного и Есенина произошла авария. Учас-ток этот беспокойный, и на нем часто случаются дорожные происшествия, но в этот раз какой-то ненормальный за рулем новенького внедорожника «Тесла» (Мономах видел такие только на картинках в Интернете) на огромной скорости въехал в автобусную остановку, зацепив по пути машину, перевозившую то ли паломников каких-то, то ли сектантов... Это ж надо – пересест-ь в «экологичный» электромобиль, чтобы угробить троих и покалечить добрую дюжину людей – любитель природы, так его растак! Мономах уже провел две экстренные операции – слава богу, удачно, и позволил себе сделать перерыв. Больше всего сегодня достанется нейрохирургам...

В дверь деликатно поскреблись. Мономах безошибочно узнал «почерк» Алины Руденко, самой лучшей медсестрички во вверенном ему отделении ТОН (травматолого-ортопедиче-ско-нейрохирургическом): только она не стучала, а тихонько царапала дверь, словно кошка.

– Входи! – крикнул он, подавив вздох: надежда на отдых рушилась.

– Владимир Всеволодович, в приемном такая катавасия творится! – выпалила Алина, войдя. Ее невысокая, аккуратная фигурка в безупречно чистом белом халате и личико, обрам-ленное светлыми кудряшками, всегда наполняли Мономаха ощущением покоя и какой-то «домашности», но в данный момент медсестра выглядела взъерошенной и даже, пожалуй, испуганной.

– Что там творится? – проворчал он, недоумевая, с какой стати его должно интересовать происходящее в приемном отделении – в конце концов, Эдуард Бабич, его заведующий, сам во всем разберется!

– Там люди, они такие странные...

– Странные?

– Ну, они в черных балахонах, с большими крестами, тетки в темные платки по самые брови замотаны!

Все ясно, сектанты! И надо же было им оказаться в той машине – как будто без них проблем мало!

– Они размахивают крестами, грозят казнями египетскими, пререкаются с персоналом, – продолжала девушка. – Владимир Всеволодович, может, полицию вызвать?

– Это еще зачем? – рассеянно поинтересовался он.

– Так они на медсестер кидаются, хватают их за руки и пытаются прорваться в реанима-цию!

– Ну, это у них не получится: наверняка Нелидова мобилизовала охрану!

– Нелидовой нет на месте!

– Как это?

– Она на совещании в комитете. Бабич не справляется!

– А начмед чем занят?

– Не знаю... Владимир Всеволодович, может, вы...

– Ладно, – крикнул он, поднимаясь из старого, порядком продавленного, но такого удобного кресла, успевшего за годы работы принять форму его тела – причина, по которой Мономах отказывался покупать новое, хотя оно и заложено в смету. – Пошли!

В приемном отделении и впрямь царил невероятная сумятица. Пациенты жались к стенкам, стараясь держаться подальше от шумной толпы в темных одеяниях, заполонившей небольшое помещение. Быстрым взглядом окинув странное сборище, Мономах сразу и безошибочно определил предводителя «митинга», вещавшего:

– Нехристи, креста на вас нету, ей-богу! Покайтесь во грехах или же сгорите в геенне огненной!

Произнося эти бессвязные реплики, высокий, грузный мужик, чем-то до боли напомнивший Мономаху Гришку Распутина, театрально закатывал глаза и грозно тряс густой окладистой бородой. Рядом с ним Мономах не без труда разглядел зава приемным Бабица, тщетно пытавшегося утихомирить буяна, и старшую медсестру Галину Нестерову, то и дело вырывающую локти из цепких рук сектантов.

– Товарищи, прекратите немедленно! – на пределе голосовых связок кричала она, пытаясь перекрыть непрекращающийся гомон и стенания. – Господа... люди-и-и!

В этот момент Бабица оглянулся, шаря беспомощным взглядом по лицам в поисках помощи, и зацепился за Мономаха.

– Владимир Всеволодович, ради всего святого, сделайте что-нибудь!

Интересное дело, «сделайте» – а сам-то чем занят?!

– Чего им надо-то? – спросил Мономах, помимо воли заинтересовавшись происходящим.

– Нам надобно пройти к рабу божьему Михаилу! – пробасил «Распутин». – Увидев своих братьев и сестер, он сразу встанет на ноги!

– Ну да, как же иначе-то! – сквозь зубы процедил Мономах.

– Владимир Всеволодович, их очень много! – по-детски дергая его за рукав, прошелестела Алина.

Мономах и сам это видел. Несмотря на то, что он сомневался в готовности этих людей применить физическую силу, само присутствие такого большого количества непонятных, одетых в черное личностей его нервировало и определенно пугало пациентов. Наверное, именно так чувствует себя белый человек, случайно оказавшийся в Гарлеме, в окружении чернокожих, не любящих чужаков! Только вот парадокс в том, что он, Мономах, у себя дома, в больнице, где проработал около двадцати лет, где ему знаком всякий угол и каждый таракан!

– Вы родственник? – обратился Мономах к «Распутину».

– Все мы здесь...

– По паспорту?

– Вот, – кто-то выпихнул вперед женщину лет пятидесяти в черном платке, надвинутом так низко, что он закрывал брови. – Она – его мать! Скажи, Серафима!

Серафима кивнула, не поднимая глаз. Мономах попытался встретиться с ней взглядом, но напрасно: женщина упрямо смотрела в пол. Он понял, что она скажет все, что потребует предводитель «банды».

– Кто такой этот... раб божий Михаил? – тихо он спросил у Алины.

– Молодой парень, Владимир Всеволодович. Тяжелая черепно-мозговая, перелом позвоночника... Да вы ж его оперируете через полчаса!

– Я? Он в сознании?

– В том-то и дело, что нет, а они вот говорят, что никакая операция ему не требуется, и что он и так выздоровеет!

– Значит, согласие подписать не может... Сколько лет вашему сыну? – поинтересовался Мономах у матери.

– Двадцать... двадцать три.

- То есть он совершеннолетний!
- И что? – с вызовом выпятил грудь «Распутин».
- А ваш раб божий женат али как?
- А как же, женат, конечно!
- А жена его где?

Вопрос, казалось, привел собравшихся в замешательство. Они начали переглядываться, женщины тыкали друг друга в бок локтями, но никто не решался заговорить первым.

– Жена Михаила отступила от веры! – высказался, наконец, все тот же «Распутин». – Не по пути им, значит!

- Но они не в разводе? – уточнил Мономах.
- А какое это имеет значение?

Мономах окинул группу, застывшую в напряженном молчании, победным взглядом.

– Имеет, имеет! – усмехнулся он, стараясь, чтобы радость не слишком явно звучала в голосе. – Видите ли, граждане дорогие, дело в том, что согласие на оперативное вмешательство женатого человека должна подписать жена, если, конечно, он сам не в состоянии это сделать. Так что будем ей дозваниваться... У кого-нибудь есть номер ее телефона?

– Нехристи оканные! – взмахнул мощными ручищами «Распутин», всей тушей надвигаясь на Мономаха, Алину и напуганного до чертиков Бабица. – Проклинаю-у-у-у!

Толпа, словно волна, хлынула следом, тесня медиков к стене. И в этот самый момент Мономах увидел за спинами враждебно настроенной группы поддержки «Распутина» начмеда Орловского, мелко семенящего во главе процессии, состоящей из четырех охранников в форме и двух довольно хилых, но явно решительно настроенных санитаров. Орловский относился к «гвардии» Муратова, бывшего главврача, снятого с должности за многочисленные нарушения и злоупотребление служебным положением, и злейшего врага Мономаха. Однако в отличие от большинства его ставленников, Орловский не пытался мешать Анне Нелидовой, вначале ставшей исполняющей обязанности, а потом и главврачом. Будучи человеком практичным, Орловский решил не искушать судьбу и, насколько знал Мономах, порвал все связи с впавшим в немилость Муратовым, предпочтя неизвестности свое теплое, заработанное тяжким трудом место. Поначалу он волновался, боясь, что Нелидова, как «новая метла», посчитает разумным избавиться от всех «бывших», но ничего такого не произошло: Анна проявила мудрость, оставив всех на своих местах, пытаясь понять, кто ей враг, а с кем можно договориться. Таким образом, умный и дальновидный начмед попал в число последних. Отношения Орловского с Мономахом можно было охарактеризовать одним словом – никакие. Им приходилось общаться, но исключительно по работе: Мономах с подозрением относился к тем, кто имел хорошие отношения с Муратовым, а Орловский пребывал в полной уверенности, что бывшего начальника спихнули только благодаря заву ТОН, хотя это совершеннейшая чушь: будь у Мономаха такая возможность, он бы воспользовался ею гораздо раньше и не стал терпеть Муратова столько времени!

– Ну, господа-товарищи, на выход! – громко скомандовал тот из охранников, что постарше. – Чтобы через пять минут в помещении остались только пациенты, оформляющиеся в стационар!

Видимо, внушительный внешний вид мужика произвел должное впечатление, и сектанты тонкой струйкой потянулись к выходу, боязливо оглядываясь на предводителя, продолжавшего упрямо стоять посреди приемного покоя.

– Эй, куда вы?! – возопил он, поняв, что остается в одиночестве. – Они не имеют права... они не могут его резать! Вернитесь, а не то прокляну!

Парочка последователей «Распутина» нерешительно замялась в дверях, тогда как остальные продолжили свой исход из отделения. Рядом с предводителем остались лишь две женщины, и одной из них была мать пострадавшего. Неожиданно Мономах поймал ее взгляд, пол-

ный робкой надежды, а вовсе не священного гнева. Она ничего не говорила, просто смотрела на Мономаха в течение нескольких секунд, после чего вновь опустила голову.

– Да мы... мы на вас в суд подадим! – продолжал разоряться «Распутин», лишившись почти всех своих соратников.

– Это вряд ли, – пожал плечами Мономах. – Оперативное вмешательство проводится по жизненным показаниям, поэтому нам не требуется ничье разрешение. Тем не менее мы обязательно разыщем жену Михаила...

– Эту отступницу!

– ...и она, уверен, подпишет согласие на операцию, – закончил Мономах. – А вот вы, уважаемый, если не уйдете, можете схлопотать судебный иск от больницы за нарушение порядка!

Распутин еще немного поломался, однако все же счел, что сопротивление бесполезно, и ретировался. Мать пострадавшего и другая женщина последовали за ним.

– Уф-ф, слава тебе господи! – с облегчением выдохнул Бабич. – Я уж было подумал, что они нас затопчут!

– Владимир Всеволодович, – едва слышно проговорила Алина, – как вы думаете, он нас всерьез, того...

– Что?

– Ну... проклял?

– Алина, ты же взрослая девочка, не болтай глупостей! – отмахнулся Мономах. – А вы вовремя, Борис Константинович! – добавил он, обращаясь к Орловскому.

– Ну, гляжу я, вы и без нас справлялись! – усмехнулся начмед, хотя вряд ли ему и в самом деле было весело: человек осторожный, Орловский страшно боялся всяких заварух – видимо, это и стало решающим фактором в его отказе продолжать линию Муратова и отстаивать его интересы. Повернувшись к пациентам, он громко объявил:

– Уважаемые граждане, инцидент исчерпан! Пожалуйста, продолжайте... ну, то, чем занимались до случившегося!

С этими словами он развернулся и, выпятив грудь, двинулся прочь. За ним размашистым шагом шли охранники.

– Пряма Бонапарт, не иначе! – пробормотал Бабич и тут же кинул опасливый взгляд на Мономаха – не воспользуется ли тот его промахом в минуту стресса и не передаст ли позже эти слова начальству. Однако Мономах, хмыкнув, согласно кивнул: Орловский и впрямь походил на «маленького генерала», особенно когда полагал, что совершил нечто стоящее. И ведь совершил же, кто спорит-то! Если бы не его своевременное появление, пришлось бы драться с «Распутиным», и Мономах не был уверен, кто одержал бы при этом верх. Но гораздо больше здорового грома его в этом случае беспокоила бы женская часть «паствы»: бабы порой похуже до зубов вооруженных солдат, честное слово!

* * *

Идя по длинному коридору к кабинету Деда, как все за глаза называли руководителя следственного управления Андрона Петровича Кириенко, Алла испытывала одно-единственное чувство – любопытство. То, что он лично решил с ней встретиться, говорило об одном: у начальника имеется поручение, которое либо не связано с ее обычными обязанностями, либо, что беспокоило гораздо сильнее, касается каких-то высокопоставленных лиц. Алла привыкла, что периодически ей приходится иметь дело с сильными мира сего или знаменитостями, но каждый раз она чувствовала себя так, словно ходит по тонкому льду, вот-вот готовому треснуть и обрушиться прямо под ее ногами. Так что же нужно Деду сейчас?

– Сколько у тебя дел в работе? – без обиняков спросил начальник, как только они поздоровались, и Алла расположилась на стуле напротив него.

– Три, – осторожно ответила она, ожидая подвоха: Кириенко отлично знал, сколько у нее чего, ведь только пару дней назад она отправила ему подробный отчет о текущей ситуации в отделе, а Дед славился тем, что тщательно изучал любые документы.

– Тогда я, пожалуй, подкину тебе, гм... «подарочек», – резюмировал он. Даже сам тон Кириенко не сулил ничего хорошего: «подарочек», видать, с двойным дном! – Представь себе: приезжает пожилая дама с дачи, решает провести квартиру дочери, которая уехала в паломничество...

– Куда уехала, простите? – перебила удивленная Алла.

– В паломничество, – повторил генерал-майор.

– В Иерусалим?

– Господи, как же ты далека от духовной жизни, подруженька! – всплеснул он руками. – Ну почему же сразу в Иерусалим или Афон, а? Паломничество по монастырям Ленинградской области всего лишь!

– А-а... – пробормотала Алла: она и впрямь мало что смыслила в религии, и ее знания ограничивались историческими романами да кратким курсом времен университета. Аллу нельзя было назвать в прямом смысле атеисткой – она, несомненно, верила в некую высшую сущность, которая, худо-бедно, регулирует то, что нас окружает, но все, связанное с церковными праздниками, обрядами и молитвами, вызывало у нее чувство, близкое к панике: такое случается с людьми, попадающими в чуждую для них среду, в которой они не знают, как себя вести, а потому совершают одну ошибку за другой и еще больше тушуются. – Ну и что случилось с вашей пожилой дамой?

– С ней-то, слава тебе господи, ничего не случилось, а вот с квартирой дочери – да.

– Что, ее продали, пока старушка копала грядки? – наобум предположила Алла.

– В точку!

– «Черные» риелторы?

– Похоже на то.

– А что сама блудная дочь говорит? Она подписывала какие-то документы или...

– Подписала сделку купли-продажи, да.

– А подпись...

– Подпись ее – мать провела графологическую экспертизу.

– Какая оборотистая дама! – пробормотала Алла. – А что, нельзя было позвонить дочери и спросить, что происходит?

– В том-то и проблема: мать уже пару месяцев не может до нее дозвониться!

– О как... А нельзя ли связаться с компанией, которая организовывала тур... паломничество то есть?

– Там говорят, что ничего не знают ни о каких квартирах – в принципе, я в это даже верю! В паломничество ездили сорок человек, все вернулись, кроме одной.

– Интересно... Да, Андрон Петрович, интересно, но, по-моему, далеко от моей специфики! Мы же по особо тяжким, а тут – нет тела, как говорится, нет...

– Дело есть, Алла, и вот тебе доказательства!

И Дед пасанул ей по столу картонную папку. Раскрыв ее, Алла углубилась в чтение.

– Значит, еще три похожих случая? – уточнила она минут через пять.

– Как видишь, начальство тоже малость работает! – ухмыльнулся Кириенко.

– Квартиры проданы в разное время... Вот, Надежда Гулькина – в прошлом году, Вероника Сурикова – больше полугода назад...

– Да, и обстоятельства разные, – перебил Кириенко. – Местная полиция, как ты понимаешь, разбираться не стала: подписи на бумагах не поддельные, сделки оформлены чисто, и в возбуждении дел было отказано.

– А что говорят потерпевшие?

– Вот это ты мне и расскажешь, когда с ними поговоришь! – откидываясь на высокую спинку кресла, удовлетворенно произнес начальник.

– Кто-то из потерпевших оказался большой шишкой? – предположила она. – Вы уж меня простите, Андрон Петрович, но они сумели задействовать целого генерал-майора...

– Ты же знаешь, я от тебя ничего не скрываю... Ну, или почти ничего! Да, есть человек, у которого есть человек... Ну, ты понимаешь!

Алла отлично понимала: не будь такого «человечка», который способен добаться до руководителя следственного управления, Кириенко и пальцем бы не пошевелил ради такой тривиальной ситуации! Недаром же ее отдел занимается раскрытием особо тяжких преступлений, как правило, связанных с убийствами, а тут – подумаешь, квартиры... Но кто-то ведь должен разобраться с проблемой, если она возникла! С другой стороны, раз местные органы полиции отказали в возбуждении уголовных дел, значит, для этого не нашли оснований. Или не захотели разбираться, ведь квартирные аферы – одни из самых сложных, и найти необходимые концы, чтобы благополучно довести их до суда, почти невозможно! Алла и сама терпеть не могла такие дела: нотариусы и риелторы поднаторели в совершении сомнительных сделок, на них работают хорошие юристы, и доказать ничтожность сделки при наличии подлинной подписи на документах купли-продажи весьма затруднительно.

– Ну, не хмурься! – сказал Кириенко, заметив, что Алла не в восторге от поручения. – Это дело и выведенного яйца не стоит: докажи, что все продавцы сами и без принуждения подписали бумаги – и всё!

Легко сказать, «всё»! Нужно встретиться со всеми потерпевшими, которые, скорее всего, станут утверждать, что ничего не подписывали, не читали документы, не понимали, что делают и так далее...

– Хорошо, Андрон Петрович, я постараюсь что-нибудь выяснить, – подавив вздох, сказала Алла.

– Это все, о чем я прошу – постарайся! – обрадовался генерал-майор, и Алла поняла, что выбор у нее был – она сама себя его лишила, так легко согласившись. Дед коварно использовал их теплые личные отношения! Что ж, за все нужно платить, и за благосклонность начальства – тоже.

* * *

Наконец этот длинный день подошел к концу. «Раба божьего Михаила» успешно прооперировали, сектанты больше не появлялись, по-видимому, испугавшись охранников, и Мономах уже почти забыл об инциденте, который, к счастью, закончился благополучно. Позвонив домой, он поговорил с Сархатом и убедился, что Денис давно вернулся из своей спецшколы и сейчас зависает в интернете с друзьями. Впрочем, Мономах вполне доверял своему новому подопечному, который оказался на удивление ответственным для своих семнадцати лет: Денис не болтался по улицам в сомнительных компаниях, не имел вредных привычек за исключением пристрастия к фастфуду и компьютерным играм. Вместо этого он усердно занимался, всерьез увлекался физикой, математикой и кибернетикой, участвовал и, что характерно, брал первые места на олимпиадах среди школьников и студентов, обещая стать дельным человеком и, возможно, даже большим ученым. Так что с тех пор, как он оформил над Денисом опеку, Мономах ни разу не пожалел о своем поступке¹. Он даже радовался, что у Сархата появился приятель, близкий ему по возрасту. А вот друг Мономаха, зав патологоанатомическим отделением той же больницы Иван Гурнов, посмеивался над ним, считая, что у приятеля слишком большое сердце, раз он собирает под свое крыло мигрантов и детей-сирот, хотя и имеет род-

¹ 1 Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Горькое лекарство».

ного взрослого сына. Но Иван всегда отговаривался, что это он, дескать, от зависти, ведь у него самого, несмотря на несколько браков, детей так и не получилось.

Мономах взглянул на висящие на противоположной стене часы: скорее всего, парни сейчас выгуливают Жука, громадного ирландского волкодава, доставшегося ему после отъезда сына в Москву...

Стук в дверь заставил его оторваться от размышлений. Кого еще несет в такое время? Неужели опять какие-то проблемы? А он-то уже наострил лыжи домой!

Посетитель не стал дожидаться приглашения и, толкнув дверь, вошел в кабинет. Мономах во все глаза смотрел на человека, которого меньше всего ожидал увидеть, но которому всегда был рад, невзирая на то, до какой степени занят или устал.

– Олежа?! – воскликнул он, вскакивая с места и все еще не веря своим глазам. – Это и вправду ты?

Высокая, худощавая фигура в черном костюме не оставляла сомнений: перед Мономахом и в самом деле стоял его сводный брат Олег Князев. Черными были не только брюки и пиджак, но и рубашка – брат предпочитал этот цвет всем другим. Волосы его тоже были цвета воронова крыла – наследие матери, студентки из Шанхая. При всем этом можно было ожидать желтоватого цвета кожи и темных глаз, однако природа распорядилась по-своему: белая кожа и светлые, как у Мономаха и их общего отца, глаза Олега Князева говорили о смешении рас так же красноречиво, как и их восточный разрез. А вот рост под два метра явно достался ему не от Всеволода Владимировича: в их роду мужчины гигантами не были. Возможно, кто-то из родственников матери был настоящим великаном, хоть и принято считать, что китайцы – народ низкорослый.

– Это и вправду я, – с улыбкой ответил на вопрос Мономаха вошедший и сердечно обнял брата, с которым не виделся больше года. Они постоянно общались по телефону и по скайпу, но это ведь не сравнить с личными встречами, а так как оба являлись людьми занятыми, разъезжать между Питером и столицей позволить себе не могли.

– Неужели в гости? – с надеждой спросил Мономах.

– Шутишь? Конечно, по работе!

Работа Олега оставалась для его брата областью непознанной – впрочем, как и для большинства людей: Олег Князев служил в Московской патриархии. Сана он не принимал, поэтому Мономах не представлял, какие именно поручения патриарха выполняет брат. Стоило ему спросить об этом, Олег пускался в пространные объяснения, но никакой реальной информации не давал – создавалось впечатление, что он работает не на РПЦ, а на ГРУ! Со стопроцентной уверенностью можно было утверждать одно: Олег Князев достаточно приближен к персоне первосвященника, чтобы обладать огромным объемом информации, за которую многие заплатили бы любые деньги.

– Что, кто-то из ваших проворовался? – поинтересовался Мономах. Хоть он и не разбирался в тонкостях духовной жизни, но новости смотрел регулярно, и периодически скандалы, связанные с церковью, достигали его ушей. В последнее время их стало больше, и Мономах понимал, что его сводный брат, скорее всего, находится в самом их эпицентре.

– Что-то типа того, – как всегда, уклончиво ответил Олег. – Тебе привет от сынули, кстати, – добавил он, явно спеша перевести разговор на другую тему. – Мы с ним обедали в прошлое воскресенье.

Одной из причин спокойствия Мономаха за проживающего в Москве сына было то, что он находился под присмотром дяди, который никогда не называл его племянником – только сынулей. Мономах полагал, что Олегу давно пора бы и самому обзавестись потомством, но тот пресекал любые разговоры на эту тему, говоря: у нас есть Артемка, и этого достаточно.

– Здорово, что ты вырвался! – сказал Мономах, поняв, что брат не желает говорить об истинной цели приезда. – Сейчас поедем вместе домой, я познакомлю тебя с ребятами...

– Вова, погоди, не кипишись! – остановил его Олег. – Я не могу остаться, надо дело сделать. Это займет пару дней, – добавил он, заметив, как вытянулось от огорчения лицо брата. – Когда я вернусь, мы обязательно проведем вместе несколько дней, обещаю!

Мономаху вдруг вспомнилось, что точно так же утешал его старший брат, когда они были детьми: Олег всегда выполнял обещания, поэтому только он мог успокоить маленького Вовку и уговорить его сделать то, чего не могли добиться от младшего сына родители. Прошло сорок лет, но, похоже, ничего не изменилось!

– Так ты приехал для того, чтобы сказать, что уезжаешь? – спросил Момах.

– Не только. Вот, тут Артемка тебе передал подарок, – и Олег, раскрыв дипломат, вытащил небольшой сверток. – Не знаю, что там, но, надеюсь, что-то хорошее! А еще мне захотелось увидеть тебя живьем, а не на экране компьютера – разве это так странно?

– Нет, конечно, но...

– Или ты не рад моему появлению?

– Не мели чепухи, я всегда тебе рад, просто...

– Просто ты расстроен, что я не могу остаться, верно, братишка? Ну, не огорчайся, ведь я скоро вернусь! На самом деле, я не думал, что застану тебя на работе – засиделся ты! Что, каждый день так?

– Кто бы говорил! Куда конкретно ты намылился, можешь сказать? Где оно, дело-то твое?

– В Ленобласти. Название места тебе ничего не скажет, поверь!

– Я могу хотя бы проводить тебя до поезда?

– Да я на машине, не волнуйся. Давай ты проводишь меня до выхода...

– Может, лучше с утра выехать? – с сомнением предложил Момах. – Чего на ночь глядя...

– Да ничего, время детское, да и ночи белые! Ну, пойдем, что ли?

Проводив Олега до машины, Момах помешкал на стоянке, глядя, как черная «Тойота» брата выезжает за ворота. На душе у него отчего-то было беспокойно. Почему Олег не предупредил, что будет проездом, и почему решил заскочить всего на полчаса до того, как отправится по делу, а не заехал уже после этого – неужели только ради подарка от Артема? Ну да, сын пропустил его день рождения, но он был уже давно, и торопиться не имело смысла...

Сев в машину, он развернул сверток. В нем находилась плоская бархатная коробочка. Открыв ее, Момах увидел темно-синий циферблат часов, покоящийся на подушке того же цвета. Он не разбирался в таких вещах, но не мог не признать, что в хорошем вкусе сыну не откажешь: часы хороши! Но мысли Момаха были заняты братом.

Близилась середина июня, и постепенно становилось темнее. За стеклом потихоньку сгустились сумерки: просто удивительно, как быстро наступает и проходит красивый период белых ночей, уступая место обычной смене времени суток! С другой стороны, впереди все лето и долгожданный отпуск. Если повезет, Олег, Момах и Артем проведут его вместе... А если захотят и Сархат с Денисом, будет просто здорово!

Пока он ехал по городу, приходилось держаться настороже: движение в этот час было оживленным, и поток машин казался нескончаемым, медленно перетекая с одной улицы на другую. Только выехав на загородное шоссе, Момаху удалось расслабиться и предаться воспоминаниям.

Он не помнил, как Олег появился в их доме – это мама рассказала, когда ему исполнилось лет десять. До того момента маленький Вова искренне считал, что старший брат – родной сын мамы и папы. А в то время, когда это произошло, ему едва исполнилось три года. Папа пришел домой не один, а с высоким, худеньким черноволосым мальчиком. Подтолкнув его вперед, он обратился к сыну со словами:

– Вот, Вовка, это – твой брат. Его зовут Олег. Он старше, поэтому ты должен его любить и слушаться, ясно?

Мама хотела было возразить, но не успела: малыш быстро удалился в детскую. Родители растерянно переглянулись. Они так долго обсуждали, как представить Олега братишке, а до того Всеволоду Владимировичу пришлось рассказать жене, при каких обстоятельствах он появился на свет, но они не ожидали столь демонстративного поведения от своего добродушного сынишки. Однако они не успели это обсудить, потому что Вова снова вышел в коридор. В руках у него была машинка. Не просто *какая-то* машинка, а самая любимая, подаренная отцом на последний Новый год. Таких машинок в эпоху тотального дефицита было днем с огнем не сыскать, и Князеву-старшему пришлось специально заказывать ее в Москве через друзей. Вовка никогда не выносил игрушку на улицу, где ею могли завладеть другие дети – он пользовался ею единолично. И вот, подойдя к совершенно незнакомому мальчику, представленному старшим братом, он протянул ему машинку. Родители чуть не прослезились. Если у мамы и имелись сомнения, как маленький Олег впишется в их семью, то в тот самый момент они отпали.

Всеволод Князев познакомился с юной студенткой из Китая Янг Венлинг, приехавшей по программе студенческого обмена, на четвертом курсе медицинского института. Венлинг с первого взгляда поразила молодого человека экзотической, тонкой красотой, какая встречается лишь у уроженок Юго-Восточной Азии. Ее фарфоровая кожа резко контрастировала с темными и блестящими, как крыло ворона, волосами, свободно струившимися по плечам подобно черному золоту, а глаза на солнце казались синими, хотя на самом деле имели очень глубокий карий оттенок. Венлинг увлекалась культурой России еще на родине и неплохо болтала по-русски, поэтому они с Севой быстро нашли общий язык: симпатичный однокурсник, абсолютно не похожий на ее соотечественников ни внешне, ни ментально, не мог не приглянуться китаянке. Молодые люди подружились, начали встречаться. Ну и как водится в таком возрасте, случилась любовь. О браке они не задумывались. Вернее, Севу посещала подобная мысль, но его удивляло то, что Венлинг никогда об этом не заговаривала. Лишь позже он узнал почему. Семья возлюбленной занимала высокое положение в КНР: ее отец был одним из первых бизнесменов республики, попавшим в нужную струю и занявшимся электроникой. Частное предпринимательство в Китае разрешили в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, и товарищ Янг быстро пошел в гору. Само собой разумеется, брак единственной дочери такого человека являлся делом чести, и иностранец в качестве мужа для Венлинг даже не рассматривался. Девушка отлично знала как обычаи собственной страны, так и характер отца, поэтому она наслаждалась счастьем с любимым, стараясь не думать о будущем.

Венлинг уехала неожиданно. В один прекрасный день Сева получил от нее короткое письмо. Она писала, что специально не предупредила его об отъезде, боясь, что не сумеет держать себя в руках. Отец договорился о ее свадьбе, поэтому ей пришлось срочно возвращаться в Шанхай. В конце письма Венлинг добавила, что она очень виновата перед любимым, так как не сказала ему, что их красивый роман непременно закончится расставанием, но у нее не было выхода. Сева сильно переживал, считая, что Венлинг его предала: в двадцать лет трудно понять чуждую психологию, и он искренне полагал, что все можно было решить, если бы возлюбленная действительно этого хотела. Однако время шло, и молодость брала свое. Через год Всеволод Князев познакомился с Томочкой. Она только поступила в медицинский, и молодые люди встретились на какой-то студенческой вечеринке. Когда Володя закончил институт и поступил в ординатуру, они поженились. Вскоре у пары родился сын.

Венлинг снова ворвалась в их жизнь неожиданно, когда Сева почти стер из памяти воспоминания о своей экзотической возлюбленной. Вернее, ворвалась не она, а ее подруга, которую он никогда в жизни не видел. Эта женщина позвонила ему и попросила о встрече, сказав, что Венлинг нет в живых, но у нее есть для него важная информация. Заинтригованный, Володя отправился на встречу. Визави оказалась важной немолодой дамой, определенно очень состоятельной, и прибыла она с личным переводчиком, так как не знала ни слова по-русски. Она

рассказала, что по возвращении в Шанхай Венлинг выяснила, что беременна. Аборт делать было поздно, да она и не хотела этого, так как желала сохранить память о том, кого по-настоящему любила. Ли Нинг попыталась объяснить молодому русскому парню, что Венлинг не могла пойти против своей семьи. Если бы она вздумала противиться отцовской воле, он не только лишил бы ее наследства, но и порвал бы все связи, она стала бы изгоем, а представить такое человеку с китайским менталитетом почти невозможно. У Венлинг была большая, дружная семья, пять братьев, которые очень любили и лелеяли младшую сестренку, и она не могла решиться на разрыв. Кроме того, такая ситуация навлекла бы позор на отца: его деловые партнеры узнали бы о том, что дочь ослушалась и против его воли вышла замуж за чужака, а это было неприемлемо. Нельзя сказать, чтобы Всеволод до конца осознал всю тяжесть положения бывшей возлюбленной, но рассказ Ли Нинг кое-что прояснил для него и заставил задуматься. Он понял, что Венлинг следовала традициям и обычаям своего народа, и он не имел права винить ее за это. Она родила сына и назвала его Гуан Шэнь-Шань. На русском языке это слово означает «священный» и соответствует имени «Олег». Несмотря на то, что, в отличие от Японии, где для полукровок есть специальное название – «хафу» и где их презирают и считают людьми второго сорта, а в Китае такого нет, внебрачный сын Венлинг пришелся не ко двору. Свадьба состоялась, хоть и с опозданием, но мальчику в ее новой семье были не рады. Его растила бездетная тетя Венлинг, а мать могла видеться с сыном лишь урывками, так как муж ее был против этих встреч: он не простил жене того, что она не просто имела связь с иностранцем, но еще и решила сохранить ребенка! В откровенных беседах с Ли Нинг подруга не раз сетовала на то, что не сообщила Володе о своей беременности и рождении сына, и порой даже говорила, что, возможно, следовало отдать мальчика отцу, но он вряд ли этого захочет – так она полагала. Венлинг с мужем попали в аварию во время деловой поездки в Гонконг. Он выжил, она – нет. Таким образом, маленький Гуан Шэнь-Шань оказался никому не нужен, ведь Венлинг платила тете щедрое содержание, а теперь муж, как ее единственный наследник, отказался это делать. И тогда Ли Нинг решила сделать то, чего хотела покойная подруга, а именно – отправить сына к отцу, который, возможно, сможет его полюбить, ведь он – его плоть и кровь, воспоминание о прекрасной истории первой любви, которая, хоть и закончилась неожиданно, но оставила глубокий след в памяти обоих влюбленных.

Пусть Володя и узнал впоследствии, что Олег не приходится маме родным сыном, лишь годам к тридцати он полностью осознал, какая она великая женщина. Тамара Михайловна сумела сделать так, что до определенного возраста младший сын понятия не имел о происхождении старшего брата. Она не делала различия между детьми, и ни Олег, ни Владимир не сомневались, что она и любит их одинаково. Более того, Вовке порой казалось, что она отдает предпочтение Олегу! Даже если чувство ревности и поднимало порой голову в его душе, он нисколько не удивлялся этому факту, ведь старший брат был гораздо лучше него – более послушным, ответственным, умным и, самое главное, исключительно добрым и абсолютно не капризным. Вова, напротив, рос шаловливым, шумным мальчишкой, способным на всякого рода озорство. Маме не раз приходилось краснеть за младшего сына в кабинете сначала заведующей детсадом, после – классного руководителя и даже директора, в то время как старший никогда не доставлял родителям ни малейших неприятностей. С самого начала Олег принялся опекать младшего братишку, который обожал его и пытался во всем подражать, но не мог в силу своего непоседливого, шепутного характера. С детства Олег тащил в дом всякую живность, найденную на улице, – покалеченных кошек, собак и птиц. Он научился лечить их и ухаживал за ними сам, поэтому родители не препятствовали этому, видя, что сын сознательно берет на себя ответственность. Маленький Вова с интересом наблюдал, как старший брат делает уколы антибиотика полудохлым голубятам и кормит их через зонд, пока они не научатся питаться самостоятельно. А еще братья подбирали стрижей – птенчиков, выпавших из гнезда, или взрослых особей, получивших травмы. Олег кормил их сверчками и муравьи-

ными яйцами, а когда птенцы подрастали и крепили, братья шли в парк, расположенный неподалеку от дома, и выпускали их на волю. Этот процесс нравился Вове больше всего – смотреть, как самая быстрая на свете птица, вибрирующая в коробке, словно самолет на взлетно-посадочной полосе, взмывает в небо, постепенно набирая высоту и, наконец, исчезает в вышине, не испытывая ни малейшей благодарности за спасение жизни! Но Олегу того и не требовалось – он получал удовольствие от процесса, радуясь, если его усилия приносили плоды, и искренне и глубоко огорчаясь, если спасти питомца не удавалось. Иногда стрижи жили у них дома годами, ведь если птенец не был готов к самостоятельному полету, ничего не оставалось, как поселить его на занавесках, которые из-за этого приходилось часто стирать. Мама и папа полагали, что старшему сыну прямая дорога в медицину, в то время как младший, особенно набедокулив, получал от них «путевки» в дворники или ассенизаторы. Однако они ошиблись как в первом, так и во втором.

Другим большим увлечением Олега была история. Особенно его интересовали знаменитые сражения. Отец, зная об этом, покупал старшему сыну разнообразных солдатиков, от древнеримских воинов до бойцов наполеоновской армии. Олег с Вовкой расставляли их на ковре, как на поле боя, и старший показывал младшему, как проходила та или иная битва. Братишка не отличался усидчивостью и вдумчивостью, зато чего у него было не отнять, так это великолепной памяти: пару раз проиграв сражение на ковре, он мог с точностью воспроизвести действия игрушечных вояк. Когда он с упоением рассказывал у доски историю Пунических войн или описывал битву при Аустерлице, учительница истории задавалась вопросом, кто из них лучше разбирается в том, как действовали инфантерия и кавалерия в каждый конкретный момент, и во что были одеты драгуны, гусары, кирасиры или уланы.

Несмотря на то, что обычно Олег являлся примером для Вовки и придумывал все игры и прочие занимательные развлечения, именно младший брат первым пришел на скалодром. В то время этот вид спорта только набирал обороты, и мало кто им занимался в Советском Союзе. Отец возражал, полагая, что сыну достаточно футбольной секции и плавания, но мальчишка проявил не свойственную ему доселе настойчивость, и Всеволод Владимирович сдался. Олег занимался боксом и баскетболом, но заразился от младшего брата «вирусом альпинизма» и тоже стал ходить на скалодром, хотя тренер сомневался, что с его высоким ростом это хорошая идея. Тем не менее со временем увлечение переросло в настоящую страсть, и оба брата каждое лето проводили в походах с тренером и группой таких же одержимых горами ребят. По окончании школы Олег не бросил заниматься, и теперь уже он брал младшего брата с собой в поездки на Кавказ, где они проводили время только вдвоем наедине с природой. Сейчас Мономах вспоминал те дни как самые счастливые в жизни!

Притормозив у забора, он вышел из машины и вдохнул полной грудью свежий воздух еще молодого лета. Июнь был его любимым месяцем, хотя в Питере он редко выдается по-настоящему теплым и солнечным. Зато ни один другой летний месяц не может похвастаться первозданной свежестью зелени, головокружительными запахами первой скошенной травы и сумасшедшими трелями невидимых в листве голосистых пернатых певцов. Здесь, за городом, все эти прелести ощущались сильнее, чем в городе, где в идеальную природу вмешиваются гарь и копоть от транспортных выхлопов, несмолкаемый гул мешает услышать пение птиц, а разнообразные городские запахи, в том числе и неприятные, не дают аромату травы и цветов пробиться к человеческим рецепторам.

Громадная туша едва не повалила Мономаха на землю, наскочив на плечи сзади, непрерывно поскуливая от счастья: Жук решил сделать хозяину сюрприз и подкрался незаметно, перепрыгнув через забор за домом. С трудом стряхнув с себя тяжеленного пса, Мономах потрепал его по холке и, как водится, дал облизать руки – иначе Жук может обидеться, решив, что им пренебрегли. Взглянув за забор, Мономах увидел на крыльце ребят. Сархат, как обычно, что-то мастерил, а Денис сидел рядом. Слава богу, он не за компьютером: Сархат положительно

влияет на пацана, которого зачастую не оттащить от зловредной машины! С одной стороны, это объяснимо, ведь программа в физико-математическом лицее сложная, и студенты постоянно делают какие-то проекты и выполняют кучу заданий, включая олимпиады, онлайн, однако летом все-таки можно дать мозгам и глазам немного отдохнуть, верно? Особенно когда погода такая прекрасная!

– Дядя Вова, мы сделали Капитану гнездо! – крикнул Сархат. Он сказал «мы», хотя доля участия Дениса, скорее всего, была минимальной. У Сархата золотые руки: стоит ему поставить себе задачу, как он тут же приступает к ее реализации – Интернет ему в помощь. Целыми днями он что-то придумывает, улучшает, расширяет и совершенствует, а в перерывах не забывает приготовить обед, да еще и подкалывает с соотечественниками, если им нужна помощь в строительстве на чьем-то садовом участке. Вот он вычитал где-то, что большой птице вроде траурного какаду, коим является Капитан, необходима огромная клетка, а лучше aviary, и соорудил его на участке. Капитан одобрил объект и вселился без возражений. Внутри было полно места, миски с едой и водой, игрушки и толстые ветки с натянутыми веревками, имитирующие джунгли: далеко не каждому попугаю в зоопарке так везет с жилплощадью! И вот теперь – гнездо.

– Зачем Капитану гнездо? – удивился Мономах, открывая ворота. – Он же не собирается высиживать птенцов... По крайней мере, я на это надеюсь!

– Да при чем тут птенцы, дядя Вова! Сейчас лето, Капитан большую часть времени проводит в aviary, значит, ему нужно уютное место для сна, так?

– Помнится, когда я принес его домой в первый раз, ты хотел сварить из него суп!

– Да я же шутил – какой из него суп, там ведь одних перьев килограмма три, а мяса... Короче, будет у Капитана гнездо – и точка!

Спорить не имело смысла: если Сархат решит повесить попугаю гамак и поставить в aviary маленький телевизор, чтобы птичка могла наслаждаться сериалами и ток-шоу, так тому и быть – чем бы дитя ни тешилось, как говорится! Тем более что Мономах теперь может себе позволить почти любую прихоть, ведь он унаследовал дело бывшего хозяина Капитана, Аркадия Рукояткина, а вместе с ним несколько антикварных магазинов и квартиру неподалеку от Адмиралтейства². Правда, не разбираясь в старине, Мономах оставил заведовать всем управляющую Рукояткина, честнейшую даму, в летах, но весьма активную и знающую. Она исправно перечисляла выручку ему на карту за вычетом процентов с продажи, на которые, как справедливо полагал Мономах, имела полное право. Так что, если Сархату придут в голову еще какие-то безумные идеи, у Мономаха, скорее всего, будет возможность помочь ему их осуществить.

С чего Мономаху волноваться, ведь старший брат всего лишь поехал в область – не на Дальний Восток же, в самом деле: завтра он ему позвонит и спросит, все ли в порядке. Если повезет, через несколько дней, когда Олег закончит свои дела, они встретятся, и уж тогда Мономах просто так его не отпустит!

* * *

Алла нашла жилище Евгении Лапиковой скромным, но невероятно опрятным: нигде не было заметно ни пылинки, словно пожилая женщина только и делала, что прибиралась в своей однокомнатной квартирке с утра и до вечера! Алле стало стыдно, ведь она никогда не уделяла должного внимания вытиранию пыли, мытью полов и прочим домашним обязанностям, так как большую часть времени проводила на работе. Нет, конечно, ее дом не зарос грязью, она раз в месяц устраивала генеральную уборку и старалась, по возможности, стирать пыль с мебели, но в сравнении с квартирой Лапиковой ее жилище могло показаться пещерой тролля!

² 1 Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Клиническая ложь».

– Значит, не обманул Василий, – качая головой, проговорила Евгения Николаевна. – Не ожидала!

– Простите, я что-то не совсем... – начала Алла, но хозяйка тут же пояснила:

– Василий – мой институтский товарищ, он в органах работает. Я, честно говоря, не разбираюсь в названиях ведомств, но он обещал помочь, и вот вы здесь! Вы уж простите, Алла...? – она вопросительно взглянула на посетительницу.

– Можно просто Алла, – сказала та, справедливо полагая, что преклонный возраст позволяет собеседнице быть менее официальной. – Евгения Николаевна, расскажите, как вышло, что квартира вашей дочери оказалась в чужих руках?

– В том-то и дело, Аллочка, что я понятия не имею! Я была на даче. Обычно Аня присматривает за моей квартирой, когда меня нет – ну, цветочки полить, пыль протереть... Но в этот раз я долго не могла дозвониться до нее, поэтому разволновалась и приехала сама. С моей квартирой все оказалось в порядке, слава богу, а вот с Анютиной...

– Вы сказали, что не смогли дозвониться до дочери: как часто вы общаетесь?

– После трагедии – очень часто, почти ежедневно.

– Трагедии?

Лапикова тяжело вздохнула и снова покачала головой.

– Вспоминать об этом... Но все равно придется! В общем, Аня вышла замуж в девятнадцать лет. Мне Кирилл казался ненадежным парнем поначалу, да и высшего образования у него не было, а ведь моя дочь, знаете ли, восточный факультет университета окончила, и там же на кафедре осталась преподавать после защиты кандидатской... Но я ошиблась: Кирилл оказался хорошим человеком, и руки у него из правильного места росли. Не всем же книжки умные читать, кому-то и «примус починять» надо! А у Кирилла в руках все спорилось. Он и на даче мне все сделал – крышу перекрыл, веранду построил, крыльцо обновил... А уж когда детки пошли, сначала Валюшка, потом Сереженька, так я и вовсе решила, что Аня моя вытянула счастливый билет. Вот, знаете, случается, что все так хорошо, что даже страшно делается – вдруг ненадолго это? Так и вышло! Четыре года назад Аня с семейством собирались отмечать Валюшин день рождения в торгово-развлекательном центре. Кирилл должен был встретить детей из школы и подъехать к университету, чтобы забрать Анюту... В тот день сильный снегопад был, и водитель бензовоза не справился с управлением – занесло его на повороте, а скорость-то была большая... Тогда четыре машины пострадало, но погибли только трое – Кирилл и мои внуки.

– Мне очень жаль, – мягко проговорила Алла, дотрагиваясь до плеча пожилой женщины. Казалось, за годы работы она должна бы привыкнуть узнавать о чьих-то трагедиях и относиться к ним спокойно, если не сказать – равнодушно, но этого не произошло: Алла всегда переживала, когда люди рассказывали ей о несчастьях, которые с ними произошли, хоть и убеждала себя каждый раз, что нельзя проникаться чужими бедами на работе, иначе можно быстро перегореть.

– Спасибо, – кивнула Лапикова: чувствовалось, что ей становится легче от исповеди практически незнакомому человеку. Скорее всего, с дочерью она не могла беседовать о трагедии откровенно, ведь боль еще слишком свежа. Видимо, женщины избегали разговоров на эту тему, чтобы не беречь рану и не погружаться все глубже в бездну отчаяния.

– Аня тогда впала в тяжелейшую депрессию, – продолжила Евгения Николаевна. – До похорон еще держалась: все удивлялись, как ей это удастся, но я-то знаю свою дочь и отлично понимала, что рано или поздно случится кризис. И он наступил.

– Что произошло? – спросила Алла.

– Аня несколько раз пыталась покончить с собой. В первый раз перерезала вены в ванной, но, к счастью, я вовремя пришла и вызвала «Скорую». Потом из окна своего каби-

нета в университете пробовала выпрыгнуть, но ее коллега спасла, схватила за ноги и втащила обратно...

– Ей требовалась помощь, – сказала Алла. – В таких случаях помогает хороший психолог или даже психиатр!

– И помог, слава тебе господи, да только ненадолго! После второй неудачной попытки суицида Аня попала в руки к отличному специалисту. Она пролежала в стационаре месяц, пропила курс антидепрессантов, стала спокойнее, даже вернулась к работе. Но прежнего огня в ней уже не было. Она все делала как бы через силу: ходила на работу, в магазин, но занималась всем... как робот, понимаете? Подруги пытались вытянуть ее из этого состояния, пробовали приглашать в гости, на пикники, но она отказывалась, ведь у этих самых друзей мужа и дети живы, а у нее...

– Требуется время, – заметила Алла. – Некоторым больше, чем другим.

– Вы правы, Анечка, видимо, как раз из «других» и оказалась. Конечно, забыть весь этот ужас невозможно, но ведь люди как-то справляются! А она не могла. Больше молчала, а когда я пыталась завести разговор о том, что нужно продолжать жить, у нее вырывалось: «Зачем? Лучше бы и я в той машине была, с ними!» Что тут скажешь?

Действительно, нечего сказать: когда человек с головой погружен в собственное горе, бесполезно давать ему советы – он сам должен мобилизовать силу воли и найти что-то, ради чего стоит жить, какую-то цель. Некоторым помогают психологи, другим – таблетки и психиатры. Кто-то находит утешение в работе и общении, возможно, в помощи другим. Ну, а кое-кто так и не справляется, сходит с ума или в итоге сводит счеты с жизнью. Печально, но факт!

– Но Анна ведь справилась с депрессией? – подтолкнула собеседницу Алла, так как Лапинова надолго замолкла, задумавшись.

– Ах, да... Знаете, соседка у нас есть, баба Поля, очень набожная старушка. Все посты соблюдает, праздники церковные, вот она и присоветовала дочке в храм сходить. Я, честно говоря, была против – не так нас воспитывали! Мои родители атеистами были, и я тоже к Богу не приучена, привыкла только на себя полагаться. Но отговаривать Анюту не стала: в конце концов, если это поможет, то какая разница! Она к тому времени в настоящую тень превратилась – исхудала, себя запустила, на работе неприятности начались... Раньше студенты Аню любили, прямо-таки ломились на ее лекции – она была интересной, зажигательной, с чувством юмора. А после аварии все изменилось: она потеряла вкус к работе, и этого не могли не почувствовать ее подопечные!

– И что, помог поход в церковь? – поинтересовалась Алла.

– Представьте себе, да! Поначалу Аня побаивалась одна ходить, только с бабой Полей, а потом втянулась. Сходила к исповеди, поговорила с батюшкой... Он проникся к ней, привлек к благотворительности: по выходным она работала волонтером, раздавала гуманитарку малоимущим и многодетным прихожанам, снова почувствовала себя нужной. Покрестилась, стала ездить в паломничества – есть такие фирмы, которые организуют туры по святым местам. Аня много где побывала... И мне стало спокойнее: она как-то посветлела, что ли, стала более адекватной, снова начала улыбаться. Только вот мы почти перестали видеться: Аня все время проводила либо на работе, либо при церкви. Зато я поняла, что могу больше не следить за ней неусыпно – она ни за что не наложит на себя руки, потому что батюшка доходчиво объяснил ей, что это – большой грех для крещеного человека. Психиатр, представьте, не смог ей это толковать, а священник, вот...

– Значит, вы решили, что можете позволить себе поехать на дачу, не боясь за жизнь дочери? – уточнила Алла. – Вы созванивались с ней все это время?

– Видите ли, перед тем как мне ехать, Аня собралась в очередное паломничество. Она не сказала, куда и как надолго, но я предположила, что максимум на неделю – дольше такие мероприятия не длятся обычно. Во время поездок Аня просит ее не беспокоить, так как

мобильная связь там не приветствуется. Я отсутствовала недели три, время от времени звонила Аняте. Иногда она отвечала, иногда – нет, но я не волновалась, ведь она больше не одна, и у нее появилось дело, которое помогает ей держаться на плаву. А потом вдруг связь оборвалась. Вот тут-то я и всполошилась, ведь к тому времени Анята давно должна была вернуться домой! Приехала в город, проверила свою квартиру – все в порядке, но соседка сказала, что дочка давно не появлялась. Да я и сама поняла – цветы мои почти все приказали долго жить, засохли безвозвратно! И я рванула в ее квартиру. Честно говоря, сердце замирало от ужаса: вдруг, думала, она за старое взялась?! Но нет, все оказалось иначе...

– Расскажите поподробнее, – попросила Алла. – Вы пришли, позвонили в дверь...

– Да не звонила я... Вернее, сначала я вставила ключ в замок и попыталась открыть дверь...

– У вас есть ключ?

– Естественно! Если бы не это, Аняты уже не было бы в живых!

– Хорошо, – кивнула Алла, вспомнив, что именно мать спасла Анну, когда та пыталась вскрыть вены в ванне. – Что произошло потом?

– Вот тогда я уже позвонила, но мне не открыли.

– С соседями поговорили?

– А как же – слава богу, у нас прекрасные отношения, и они в курсе нашей ситуации. Они-то мне и рассказали, что очень удивились, узнав, что квартира продана. Продана, можете вообразить?!

– Они видели вашу дочь с тех пор, как вы уехали на дачу?

– В том-то и дело, что нет! Они увидели, как в квартиру въезжают новые жильцы – все как положено, со своей мебелью и скarbом. Поинтересовались, как так вышло, что Аня продала жилплощадь, а никто ни сном ни духом!

– И как же?

– Новые соседи сказали, что купили квартиру вовсе не у Аняты, что продавец мужчина... На самом деле, они не больно-то расположены были к беседам – видимо, поняли, что дело нечисто, а потому с тех пор ни с кем не общались.

– А та... баба Поля, кажется, которая присоветовала Анне воцерковиться...

– В том-то и дело, что она понятия не имеет, что случилось! Говорит, Аняту в храме не видела с того времени, как она в паломничество отправилась. Я-то думала, они вместе, а оказывается... Аллочка, я ничегошеньки не понимаю! Бог с ней, с квартирой, мне бы Аняту мою найти или хотя бы узнать, что жива она, что в порядке...

– Я понимаю, Евгения Николаевна, не переживайте раньше времени. Вы правильно сделали, что обратились к нам: то, с какой скоростью состоялась сделка с недвижимостью вашей дочери, и тот факт, что никто о ней не знал, почти со стопроцентной уверенностью позволяет предположить мошеннические действия. Либо Анну обманом заставили оформить сделку, либо она вынуждена была на нее согласиться, потому что вляпалась в неприятности. Что же касается ее безопасности... Знаете, сейчас не девяностые, и человека, у которого имеются небезразличные родственники, обычно не убивают. Давайте надеяться на лучшее, хорошо?

Алла кривила душой: совсем недавно она расследовала дело об «отжиге» квадратных метров у бывших детдомовцев, и некоторые из них погибли. Правда, те, кто этим занимался, пребывали в полной уверенности, что «ненужных» ребят никто не станет искать!³

– Дайте-ка мне адресок вашей бабы Поли – это во-первых, – попросила она. – Кроме того, мне нужно знать, в какую церковь ходит Анна. Еще я попрошу вас составить список ее друзей и ближайших знакомых, с которыми она в последнее время общалась, а также коллег.

– Разумеется, разумеется, я все сделаю, только бы вы Анечку мою нашли!

³ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Клиническая ложь».

* * *

Антон блаженно потянулся и устремил глаза в потолок: никогда раньше над его кроватью не был натянут балдахин – он видел такое только в исторических фильмах! Но Карина Степанян ни в чем себе не отказывала. Ее просторная квартира ломилась от антиквариата, и дубовая кровать, щедро украшенная резьбой, судя по ее словам, датировалась концом девятнадцатого века и проделала долгий путь в Европу аж из самой Индии! Можно было подумать, что мадам Степанян не отличается хорошим вкусом, раз наполняет каждый угол предметами старины, но это вовсе не так: она справедливо считала, что все эти вещи – долгосрочные инвестиции, доходность которых растет с каждым годом.

Они познакомились при расследовании дела врача-онколога, которая лечила пациенток от несуществующего рака груди⁴. Карина с первого взгляда произвела на опера впечатление: несмотря на то, что он не испытывал доверия к светским львицам, живущим за счет спонсоров или бывших мужей, она показалась ему исключением из правил. Во-первых, Карина отличалась зрелой красотой, которая отнюдь не портит женщину, а напротив, добавляет ей какой-то особенный флер. Ее полное, но крепкое тело отлично смотрелось и в кружевном negligé, и в дорогих платьях и костюмах, а драгоценности, которые она очень любила, отличались не только большим каратным весом, но и чрезвычайно ей шли. Когда она взмахивала своими иссиня-черными ресницами или вытаскивала шпильки из пучка, и волосы густой, блестящей волной падали ей на спину, у Антона сердце ухало в пятки. Она не злоупотребляла косметикой, не посещала соляриев, не делала пластических операций, хотя, несомненно, пользовалась услугами дорогих косметологов и, возможно, получала «инъекции красоты». Такие мелочи Шеина не интересовали при условии, что он о них не знает. Антон предпочитал женщин, которые похожи друг на друга, словно сделанные по одним и тем же лекалам в какой-то модной лаборатории, и Карина Степанян относилась как раз к этому редкому сорту представительниц противоположного пола, во всем зная меру. Познакомившись с ней поближе, он выяснил о ней кое-какие интересные факты, которые еще больше усилили ее привлекательность в его глазах. Во-первых, оказалось, что Карина – вовсе не тунеядка, а бизнес-леди. Ей принадлежали две художественные галереи в центре Санкт-Петербурга, где она занималась продажей картин и продвижением молодых, интересных художников. Антону представлялось, что этим вряд ли можно заработать, однако, похоже, он ошибался, Карина неплохо справлялась. Она устраивала презентации и выставки, причем сама прекрасно разбиралась в своем деле, имея диплом Академии художеств имени Репина по специальности искусствовед. Карина вышла замуж в восемнадцать лет за молодого предпринимателя, который здорово поднялся в девяностые, умудрившись не вляпаться в уголовщину, – редкий пример успеха в постперестроечной России! Она вела жизнь образцовой домохозяйки, так как муж и слышать не желал о том, чтобы она работала. Карина готовила, убирала, содержала в порядке сначала маленькую квартирку, потом апартаменты побольше и, наконец, огромный загородный особняк, попутно родив мужу двух замечательных детей. Все это время она старалась соблюдать правила, установленные авторитарным супругом, не вступая с ним в полемику и стараясь во всем ему угодить. Но Карина не была бессловесной, покорной женщиной, не имеющей собственного мнения, просто в ее кругу считалось нормой, что жена занимается домом, а муж – тем, что за его стенами. До определенного момента ее все устраивало, и она старалась не обращать внимания на то, что супруг изменяет ей направо и налево: до тех пор, пока он это скрывал и берег ее достоинство, Карина мирилась с ситуацией. Дети выросли и зажили самостоятельно, а муж вдруг решил, что статус

⁴ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Горькое лекарство».

и деньги позволяют ему пренебречь мнением супруги и начал гулять, не скрываясь. Такого унижения Карина терпеть не стала.

Она втихоря наняла адвоката, который разнюхал обо всех активах ее благоверного, после чего подала на развод и потребовала ровно половину всего. Экс-супруг сначала лишь посмеялся, сказав, что она получит дырку от бублика или, на худой конец, от мертвого осла уши, как говаривал незабвенный Остап Бендер, да не тут-то было, ведь Карина, жена, которую он считал беспомощной во всем, что не касалось быта, хорошо подготовилась! Бой был кровавым, и она победила, отхватив приличный кусок нажитой в браке собственности, часть банковских счетов и даже объекты зарубежной недвижимости – в частности, небольшую, но уютную виллу на берегу Адриатического моря. Наконец-то Карина получила возможность распоряжаться своей жизнью так, как она пожелает. Она вошла в долю с владельцем почти прогоревшей галереи и сумела поставить дело так, что та стала одной из самых известных не только в Северной столице, но и за ее пределами. Теперь у Карины имелось все – любимое занятие, широкий круг общения с людьми, которые говорили с ней на общем для них языке искусства, деньги, не было только одного – близкого человека. Оглядываясь назад, она понимала, что никогда, в сущности, не любила бывшего мужа: вся их совместная жизнь строилась на договоренностях родственников и обычаях, которых строго придерживаются члены армянской диаспоры. Антон Шеин был человеком совершенно другого круга и отличался от всех, с кем раньше приходилось иметь дело Карине и по образу жизни, и по мировоззрению. Более того, у него за плечами был большой опыт семейной жизни, несколько разводов и детей, с которыми, к его чести, удавалось поддерживать хорошие отношения, несмотря на все сложности. Да и характер, надо сказать, у Шеина не из легких, однако для Карины он стал глотком свежего воздуха: его красивая внешность радовала глаз, мужественность услаждала тело, а рассказы о работе возбуждали интерес.

Для Антона все выглядело гораздо сложнее. Карина, без сомнения, была невероятно хороша – и в постели, и на кухне, что случается крайне редко. С ней всегда находилось, о чем поговорить, она умела выслушать и посмеяться, обладая тонким чувством юмора и вместе с тем тактичностью. Тем не менее Шеин не рассчитывал на длительные отношения, и вовсе не из-за Карины. Что он мог ей предложить? Зарплату оперативного сотрудника, пусть и большую, чем та, что получает обычный опер в МВД? Однокомнатную квартиру в спальном районе, доставшуюся от родителей? Ненормированный рабочий график и полное отсутствие знаний о предмете, в котором она так хорошо разбирается? Антон не мог ни сводить ее в ресторан – в один из тех, к которым она привыкла, потому что такой поход обошелся бы ему в ползарплаты, ни купить ей украшение, так как она слишком хорошо знает им цену, и еще много чего он сделать был не в состоянии. Почему Карина с ним? Антон не знал ответа на этот вопрос, а задать его ей не решался, ведь это могло привести к разрыву. Однако пока что он позволял себе наслаждаться настоящим, не строя планов на будущее.

С кухни донесся умопомрачительный аромат свежесваренного кофе, и он, соскочив с высокой кровати, натянул джинсы и футболку, заботливо развешанные Кариной на спинке антикварного стула, и пошел на запах.

Просторная кухня, в отличие от всей остальной квартиры, оформленная в стиле хай-тек, сияла чистотой и была оснащена всеми необходимыми приборами, аппаратами и машинами, каких только мог пожелать самый взыскательный шеф-повар. Карина стояла у плиты и колдовала над большой чугунной сковородой. Обернувшись на шум шагов, она улыбнулась Антону и сказала:

– Входи-входи, сейчас все будет готово!

Усевшись на стул, Шеин принялся наблюдать за плавными, умелыми движениями любовницы. Она ловко, одним движением, высыпала на шкворчащую сковородку мелко нарезанные помидоры, болгарский перец и вареный картофель и быстро все это перемешала. Между тем

миксер, стоящий по левую руку от Карины, взбивал яйца, превращая их в пышную желтовато-белую пену. У Антона внутри, помимо собственной воли, разливалось теплое, но немного щемящее чувство. Дом. Женщина, которая всегда ему рада. Которая не предъявляет претензий, не упрекает за то, что его никогда нет рядом, когда он нужен... Возможно ли такое счастье?

Зазвонил мобильный. Шеин подавил вздох: была ведь здравая мысль его отключить в свой единственный выходной! Опер привык всегда находиться на связи, и порой это играло с ним злые шутки. И на сей раз не стоило ожидать ничего хорошего, ведь на экране высветилось имя Дамира Ахметова.

– Проснулся? – вместо приветствия поинтересовался коллега.

– Ой, не к добру вопрос! – пробормотал Шеин.

– Ты прав, любой звонок с работы в выходной день – не к добру, – согласился Дамир. – Собирайся, Суркова вызывает!

– В отдел?

– Нет, в кафе.

– Дурацкая шутка!

– Правда-правда, – подтвердил Дамир. – Она сказала, что, так как день выходной, мы просто поговорим о новом деле, а приступим к нему завтра с утра. Это не займет много времени!

– Чует мое сердце, опять какие-то подковерные интриги!

– Может, и так. В общем, жду тебя внизу через пятнадцать минут!

– Погоди... откуда ты знаешь, где я?

– Брось, Антоша, мы же в одном ведомстве работаем! – усмехнулся в трубку Ахметов. – Знойная женщина, мечта поэта эта твоя мадам Степанян!

– Заткнись!

Отключившись, Антон посмотрел на Карину.

– Ну, – сказала она с улыбкой, – я так поняла, пятнадцать минут у тебя есть? Налетай! – и поставила перед ним красивую тарелку с золотым узором по ободку с аппетитно пахнущей яичницей.

* * *

Алла выбрала кафе, в котором и опера могли насытить свой желудок, и ей самой было безопасно питаться, так как меню включало не только мясные блюда, но и овощные, и рыбные. Она пришла на место встречи первой и уже успела сделать заказ.

Алла чувствовала себя слегка виноватой за то, что выдернула коллег с отдыха – обычно такое случалось, если приходилось выезжать на труп, а тут и тела-то нет. Но, как говорит Дед, куй железо, пока Горбачев: похоже, неизвестные мошенники действуют быстро, так что, если промедлить, жертв может оказаться больше! Через четверть часа после нее появились Дамир и Антон, а еще через пару минут, когда опера рассаживались вокруг столика, в заведение вошел Александр Белкин, самый младший в команде. Глядя на его круглое, веснушчатое лицо и широко открытые, как у ребенка, голубые глаза, Алла уже не в первый раз задалась вопросом: повзрослеет ли когда-нибудь этот парень, изменится ли его внешность, или он так и останется навсегда мальчишкой, только появятся морщины, да волосы поредеют?

Подождав, пока каждый сделает заказ, Алла вкратце изложила коллегам суть вопроса.

– А почему мы этим занимаемся? – задал резонный вопрос Антон. – Мошенничество...

– Знаю, знаю, – перебила Алла. – Личная просьба Кириенко.

– Ну, тогда все ясно! – воскликнул Белкин, закатив глаза.

– Ничего вам не ясно, Александр! – строго возразила Алла. – Речь не об одном мошенничестве, а возможно, о целой серии, а значит, это – наше дело!

– Извините, Алла Гурьевна, – покраснел молодой опер. – Я просто подумал...

– Проехали. Значит, план действий следующий. Я пообщалась с матерью женщины, чью квартиру продали в ее отсутствие. Необходимо поговорить с теми, кто ее купил: почти не сомневаюсь, что конечный покупатель понятия не имеет об Анне, а брал жилплощадь у кого-то другого, а тот – еще у кого-то, поэтому нужно размотать цепочку!

– Я думал, что девяностые остались позади! – пробормотал Дамир. – Раньше, по крайней мере, хаты «отжимали» у бомжей и алкашей, но, выходит, теперь для злодеев не существует преград – ни родственники их не пугают, ни общественное положение жертв!

– Похоже на то, – кивнула Алла. – Ни одна из жертв – по крайней мере тех, список которых предоставил Кириенко, – не относилась к неблагополучным слоям общества.

– Интересненько! – присвистнул Шеин.

– Вот и я говорю, – согласилась Алла. – Поэтому, Антон, я попрошу вас заняться новыми владельцами квартиры Анны Дорошиной.

– Хорошо, Алла Гурьевна.

– С отцом Серафимом и его паствой я пообщаюсь лично, а вот с коллегами Анны и ее студентами поговорите вы, Александр.

– Думаете, они что-то знают? – с сомнением спросил тот.

– Может, и нет, но проверить надо. Вдруг Анна делилась с кем-то своими планами? А вы, Дамир, – продолжала Алла, – поедете в фирму «Новый Иерусалим».

– Это что еще за зверь такой?

– Они занимаются организацией паломнических туров. Ну, поездки по монастырям там, и так далее. Нужно выяснить, продавали ли они путевку Анне.

– Делается, Алла Гурьевна!

– Когда выясним про Дорошину все, что сумеем, нужно будет заняться остальными жертвами мошенничества... Но об этом поговорим позднее. А пока, коллеги, давайте поедим и пойдем догуливать выходной!

Домой Алла возвращалась в хорошем настроении. Во-первых, впереди еще почти целый свободный день, и она намеревалась провести его с пользой: на прикроватном столике давно дожидается ее интереснейшая, прекрасно оформленная цветными иллюстрациями книга «Частная жизнь Тюдоров», подаренная подругой на Новый год. Алла обожала этот период английской истории и, пожалуй, знала о нем все, но никогда не помешает получить дополнительную информацию, тем более если источник ее – книга, написанная интересным, доступным языком. Во-вторых, в холодильнике томится бутылочка отличного бордо, до которой не доходили руки всю неделю, и сегодня она сможет, наконец, ее распробовать. Ну и в-третьих, Дмитрий Негойда, ее любовник и частный детектив, в отъезде, и это – тоже плюс. С некоторых пор Алла стала тяготиться его присутствием и оттого постоянно чувствовала себя виноватой. Недавно она приняла решение расстаться, но случилось несчастье – умер отец Дмитрия, с которым тот был очень близок. Алла не смогла разорвать отношения, ведь Негойда находился в расстроенных чувствах, и она была обязана его поддержать в трудную минуту. Они вместе съездили в Крым на похороны, вместе вернулись, и само собой разумеется, что ничего между ними не изменится. Но все стало иначе: Алле надоело прикидываться, будто она влюблена. Она, несомненно, испытывала к Дмитрию теплые чувства, но понимала, что этого не достаточно. Ей давно не двадцать и даже не тридцать лет. Ей скоро тридцать семь – критический возраст для создания семьи и, главное, для рождения детей. Хотя бы одного ребенка! Какое-то время Алла подумывала о том, чтобы забеременеть от детектива, не ставя его в известность о своих планах, но потом поняла, что такое поведение слишком цинично – словно она использует Дмитрия втемную, а это непорядочно, не свойственно ее характеру. Конечно, она не знала, какова была бы его реакция на ее планы завести ребенка, ведь вполне возможно, Негойда не возражал бы и даже, как честный человек, предложил бы жениться в случае успеха. Но в том-то

и дело, что Алла не хотела выходить замуж лишь для того, чтобы растить совместного ребенка: чем дальше, тем больше убеждалась она в том, что они с Дмитрием слишком разные, чтобы провести вместе много лет, и их не связывает ничего, кроме секса. Который, надо признать, отнюдь не плох! И все же одного этого недостаточно. Негойда – отличный товарищ и в беде не бросит, но в быту на него невозможно положиться. Он может пропасть на несколько дней, ни слова не говоря, и хотя она точно знала, что дело в работе, а не в другой женщине, все равно сердилась: когда люди живут вместе, они вправе рассчитывать, что их хотя бы предупредят! Самым неприятным во всей этой ситуации ей казалось то, что Дмитрия, похоже, все устраивает: он с удовольствием возвращается в ее квартиру после насыщенного трудового дня. Правда, к чести Негойды надо сказать, что ему не приходит в голову чего-то требовать от Аллы – горячего обеда, стерильной чистоты или свежесглаженных рубашек. Если есть нечего, он предлагает заказать доставку. Уборка его не волнует, так как он считает грязь нормальным дополнением к жизнедеятельности занятого городского человека, а рубашек и вовсе не носит, предпочитая немнущиеся водолазки, свитера или футболки. Но главным в решении Аллы о том, что рано или поздно им все же придется разойтись, стало не все вышеперечисленное, а любовь к другому человеку. То, что она по-прежнему остается с Дмитрием – чистой воды малодушие: со времени похорон его отца прошло достаточно времени, и Алла вполне могла затеять с ним честный разговор, но она медлила. Тянула, оправдываясь перед самой собой тем, что на работе завал, что для такой беседы нужно много душевных сил, которых все время не хватает... А еще, и в этом она не хотела признаться даже самой себе, Алла боялась снова остаться одна. В одиночестве есть свои плюсы, но она не привыкла быть одна, ведь долгие годы ее связывали серьезные, как ей казалось, отношения с любимым, как она полагала, мужчиной. Он же, ни минуты не сомневаясь, бросил ее ради выгодного брака с дочкой начальника, чем вверг Аллу в глубокую депрессию, вылившуюся в бесконтрольный набор веса: за два года со времени разрыва она набрала больше двадцати килограммов! А потом в ее жизни неожиданно возник Дмитрий Негойда, который вылечил ее от комплекса неполноценности. Испытывая к нему благодарность, Алла не могла ничего поделать со своими чувствами к Мономаху: то, что он не испытывает к ней того же, не означало, что есть смысл оставаться с другим!

Подходя к дому, Алла вдруг застыла на месте, заметив прохаживающегося возле ее подъезда Мономах: меньше всего она ожидала увидеть именно его! Он тоже ее заметил и быстрым шагом двинулся навстречу.

– Доброе утро, Алла Гурьевна! – поздоровался он, и она сразу уловила непонятную напряженность в его голосе. – Консьерж сказал, что вас нет дома, и я уже собирался уходить!

– Владимир Всеволодович, что-то случилось? – встревоженно спросила она. – Почему вы не позвонили?

– Я звонил, но абонент недоступен.

В самом деле: Алла и забыла, что отключила телефон на время беседы с операми!

– Что-то срочное? – спросила она.

– Кажется, да.

– Ну, тогда давайте поднимемся? – предложила Алла.

– А ваш... друг не будет против моего неожиданного визита?

– Мити нет, он в Москве по работе. Идем?

Алла поздравила себя с тем, что вчера вечером навела в квартире марафет. Визит к матери пропавшей паломницы разбудил в ней чувство собственной неполноценности: в конце концов, она же женщина, а женщина должна содержать свое жилище в чистоте! Так что в грязь лицом перед Мономахом Алла не ударит, а ведь это для нее так важно!

Однако, похоже, ему было наплевать на то, что его окружает: он скинул ботинки прежде, чем она успела предупредить, что делать это не обязательно, и прошел в гостиную. Алла предложила ему присесть.

– Хотите чего-нибудь, Владимир Всеволодович? Чай, кофе...
– Нет, благодарю, ничего не нужно. Алла Гурьевна, мне необходима ваша помощь. И срочно!

– Вы снова во что-то впутались? – нахмурилась она.

– Да нет, не впутался... И не я.

– А кто – Гурнов?

– Нет. Алла Гурьевна, мой брат пропал.

– У вас... есть брат?

Алла была удивлена. Она знала, что у Мономаха есть взрослый сын, но о других родственниках не слышала. С другой стороны, почему он должен был о них рассказывать, ведь они не настолько близки!

– Да, по отцу, – кивнул Мономах. – Его зовут Олег, Олег Князев.

– С чего вы взяли, что он пропал?

– Понимаете, несколько дней назад Олег внезапно появился ко мне в больницу в конце рабочего дня...

– Это так удивительно?

– Да, потому что он живет в столице. Он служит в Московской епархии.

– Ваш брат – священник?!

У Аллы отвисла челюсть.

– Нет, он не рукоположен... Честно говоря, я не в курсе, чем конкретно занимается Олег, но знаю, что он работает непосредственно на Патриарха Савватия.

– Ух ты... Ну и с чего вы взяли, что Олег пропал – только потому, что он приехал в Питер и решил вас навестить?

– Да нет, конечно! Хотя Олег вел себя странно.

– Он объяснил, зачем приехал?

– Толком – нет. Передал подарок от сына на день рождения, но...

– Но вы не считаете это достаточным поводом? – догадалась Алла. – Ваш брат – скрытный человек?

– Видите ли, Алла Гурьевна, он работает в такой сфере, которая достаточно закрыта от широкого общества, и болтать попусту в этой среде не принято.

– Понимаю. Что ж, давайте продолжим. Итак, Олег навестил вас – куда он отправился потом?

– Сказал, что в область.

– По работе?

Мономах кивнул.

– А куда именно в область?

– Я пытался выяснить, но Олег ответил уклончиво. Что-то вроде: «название места тебе ни о чем не скажет»!

– Интересно... Так почему вы думаете, что Олег пропал?

– Потому что он давно должен был вернуться – это раз. Во-вторых, я не могу до него дозвониться!

– Может, сигнала нет? Если он в какой-то глухой деревне...

– Дело не в этом! – перебил Мономах. – Звонок проходит, но в трубке только длинные гудки!

– Так, без паники, Владимир Всеволодович! – строгим голосом произнесла Алла. – Найдем мы вашего брата, даже не сомневайтесь! Мне понадобится номер его телефона и... он на своем автомобиле поехал?

– Да, я вот тут все записал, – и Мономах протянул ей листок из блокнота со всеми данными. – А еще я принес его фото – так, на всякий случай, – добавил он. Взглянув на снимок,

Алла поняла, что видела фотографию этого человека в доме у Мономаха: у нее была уникальная память, она никогда не забывала лиц. Тем более что это лицо было весьма необычным!

Мономах не стал задерживаться и ушел сразу, как передал Алле все, что ей могло понадобиться в поисках Олега Князева. Ей бы, конечно, хотелось, чтобы у них были и другие общие интересы, но так уж вышло, что общались они с доктором только по двум причинам – расследуя преступления или занимаясь в альпинистском клубе, к которому он ее приобщил. С тех пор Алла дважды в неделю посещала тренировки, надеясь встретить там Мономаха. Он не всегда успевал появиться в те же дни, и тогда она занималась одна, под руководством одного из приятелей доктора, которые считали своим долгом опекать ее в отсутствие основного куратора. Поначалу спорт был сущим мучением: Алла сдирала пальцы в кровь, а пару дней после тренировки едва могла двигаться, так болели суставы и мышцы. Однако со временем у нее стало получаться. Немалую роль в этом сыграла и потеря лишнего веса, ведь одно дело – поднимать на собственных руках сто кило, и совсем другое – восемьдесят!

Как только Мономах ушел, она села на телефон.

* * *

Симпатичная девушка на стойке администрации широко улыбнулась Дамиру, как только он вошел в маленькое фойе. Снаружи вывеска была довольно неприметной, что удивляло. В Центральном районе полно турфирм, и если идти вдоль Невского проспекта или любой другой ответвляющейся от него улицы, они, словно грибы после дождя, вырастают то слева, то справа, привлекая внимание пешеходов красочными плакатами с изображениями загорелых людей, празднично валяющихся на пляже, природы – в основном, тропической, и достопримечательностей, известных во всем мире. Однако «Новый Иерусалим» скромно позиционировал себя всего лишь при помощи названия, написанного большими буквами старославянского шрифта. Дамир любил лаконичность и рассудил, что, видимо, владельцы фирмы решили так: кому надо, тот найдет. Что ж, иногда такой подход – самый правильный.

– Добрый день! – первой поздоровалась администратор, выходя из-за стойки. На ней оказалось длинное, в пол, цветастое платье, а не мини-юбка или джинсы, как в большинстве подобных агентств. Наверное, такова политика компании, ведь служащие имеют дело с людьми определенного сорта, которые вряд ли одобряют неформальный стиль одежды.

– Меня зовут Инна, – представилась девушка. – Какие туры вас интересуют?

– Меня интересуют туры, в которые ездила вот эта женщина, – и Ахметов предъявил фотографию Анны Дорошиной.

– Д-да, – проговорила администраторша, внимательно рассмотрев снимок, – я видела ее здесь несколько раз. Она – постоянный клиент. А что произошло?

– Да ничего, просто мне необходимо поговорить с тем, кто продавал ей путевки.

– Надеюсь, с ней ничего плохого не случилось? – нахмурилась администраторша, и меж ее аккуратных бровей пролегла глубокая морщина.

– Я тоже очень на это надеюсь, – кивнул Дамир. – Так могу я...

– Вам нужна Света. Проходите в офис, она сидит у окна.

В тесном кабинете ютились пять молодых женщин, столы стояли практически впритык, и только один находился рядом с окном. Стены были завешаны плакатами с изображениями различных церквей, соборов и природных красот.

– Да, конечно, я знаю Анну! – сразу же признала на снимке клиентку Светлана. – Она часто покупала у нас путевки, примерно четыре раза в год... А что с ней случилось?

– Ничего, – ответил Дамир. – По крайней мере, так хочется думать. Когда Анна в последний раз к вам приходила?

– Сейчас посмотрю, – сказала Света и полезла в ноутбук. – Так... вот, в последний раз она заказывала поездку в Введено-Оятский и Покрово-Тервенический монастыри, и было это в конце января – в это время путевки дешевле.

– Вы уверены, что Дорошина не покупала тур недавно – скажем, пару месяцев назад?

– Абсолютно! – ответила турагент и повернула компьютер экраном к Дамиру. – Вот, видите, тут все отмечено? Кстати, я звонила ей в апреле, хотела предложить очень выгодную поездку под названием «Святые обители Подмосковья». Дешево выходило – за пять дней...

– И что, Анна не заинтересовалась? – прервал девушку оперативник.

– Как ни странно, нет. Раньше она ухватилась бы за такое предложение!

– Тот раз был последним, когда вы разговаривали?

– Нет. Я еще звонила в начале мая, тоже с очень приятным предложением, однако Анна сказала, что едет в длительную поездку, поэтому не сможет им воспользоваться.

– Она уточнила, куда именно едет?

– Нет. Так что все-таки произошло с Анной?

* * *

В церкви было тихо, как на погосте: недавно закончилась служба, и почти все прихожане разошлись. Лишь у большого распятия Иисуса Христа стояла одинокая старушка и зажигала свечку от уже горевшей накануне. В помещении стоял специфический запах ладана и горящего воска, но Алла не назвала бы его неприятным. Каким-то образом он успокаивал, возвышал, что ли, заставлял задуматься о чем-то, кроме ежедневной рутины. Пока Алла размышляла, стоит ли отвлечь единственную прихожанку вопросом о том, где найти отца Серафима, из боковой дверцы в помещение вышел невысокий кругленький человек лет шестидесяти в черном облачении. На груди его висел серебряный православный крест на длинной цепи, но тем, что по-настоящему приковывало внимание в облике этого, в общем-то, неприметного мужчины, была борода – длинная, окладистая, темно-русая и без единого седого волоска, несмотря на возраст. А вот голова батюшки была почти совершенно лысой, лишь слегка обрамленной волосами того же цвета, что и пышная растительность на лице.

Пока Алла его разглядывала, священнослужитель о чем-то тихо разговаривал с пожилой посетительницей. Неожиданно он обернулся и посмотрел прямо на Аллу. Она сделала шаг вперед, и батюшка двинулся ей навстречу.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросил он. Голос у него оказался неожиданно приятным, не слишком густым, но как раз таким, какой ожидаешь услышать, придя на исповедь. Человеку с таким голосом легко доверить потаенные мысли, постыдные секреты и греховные желания, ожидая, что он не осудит, а наоборот, поддержит, утешит и направит на истинный путь.

– Добрый день, – поздоровалась Алла, не в силах выдать из себя обращение «батюшка» – не приучена! – Я ищу отца Серафима.

– Что ж, вы его нашли, – улыбнулся он. – Вижу, вы не из наших прихожан. Наверное, пришли по делу?

– Вы правы.

Алла предъявила корочки, и священник сразу посерьезнел.

– Что-то случилось? – спросил он. – С кем-то из моих прихожан?

– Вы знакомы с Анной Дорошиной?

– С Аннушкой? Разумеется, очень хорошо ее знаю! С ней, что ли, беда?

– Мы пока не знаем, действительно ли с Анной случилось что-то плохое, и я хотела спросить, что вам о ней известно.

– Мне? Ну... Давайте пройдем в трапезную, что ли? Там сейчас никого нет, и можно присесть и поговорить в тишине.

Следуя за священнослужителем, Алла миновала несколько закрытых помещений и вышла в просторный зал. Пол в нем был вымощен светло-зеленой плиткой с едва заметным белым узором. Стены и потолок сияли ослепительной белизной, а тяжелые деревянные столы, выстроившиеся по периметру, покрывали белые скатерти. Трапезная производила приятное впечатление чистотой и обилием солнечного света, льющегося из окон и просачивающегося сквозь красивые витражи с изображениями святых апостолов. Отец Серафим предложил Алле присесть у крайнего стола.

– Итак, что все-таки случилось с Аннушкой? – поинтересовался он.

– Она пропала.

– В самом деле? – нахмурился он.

– Вас это удивляет?

– Конечно! А почему вы решили, что она пропала, кто вам сказал?

– Ее мать.

– Ах да, у нее же из родственников только она и осталась...

– Вы знакомы?

– Нет, я ее никогда не видел, но Аннушка о ней много рассказывала.

– Что именно?

– Что она помогла ей пережить большую потерю, буквально спасла жизнь. Вы в курсе, что семья Анны погибла?

– Да, это чудовищная трагедия.

– Знаете, люди зачастую приходят к Богу как раз в таких ситуациях. Когда они здоровы и счастливы, их занимает исключительно земная жизнь, но, пережив тяжелые времена, они начинают задумываться о вечном. Так и с Анной произошло.

– Вы говорите о ней с большой теплотой, – заметила Алла. – Вы ко всем своим прихожанам испытываете подобные чувства?

– К моему стыду, нет, – покачал головой отец Серафим. – Но Анна выделяется из общей массы. Во-первых, она из новообращенных, но тем не менее сразу стала принимать активное участие в делах храма. Сама просила, чтобы я давал ей какие-нибудь задания, особенно в выходные: она объясняла это тем, что ей невозможно сидеть в пустой квартире в полном одиночестве, хочется быть с людьми, объединенными общим благим делом... И она много трудилась! Во-вторых, Аннушка рьяно взялась за изучение Святого Писания, причем не просто читала, а задавала много умных, логичных вопросов. Она ведь человек образованный, в университете преподает, так что беседовать с ней всегда интересно! Жаль, что в последнее время она слишком занята и редко заходит...

– Значит, она и у вас давненько не появляется?

– Не то чтобы давненько, но – да, пару месяцев не приходила. А вы говорите, она пропала?

– Скажите, что предшествовало ее исчезновению? В смысле, может, Анна изменилась, что-то странное говорила?

– Например?

– Ну что собирается продать квартиру, допустим?

– Да нет, ни о чем таком она не упоминала! Но теперь, когда вы сказали...

– Да?

– Я действительно кое-что припоминаю. Поначалу Анна приходила с другой нашей прихожанкой, Полиной...

– Да, ее мать упоминала некую бабу Полю, – вспомнила Алла.

– Полина ходит сюда давно, она еще до моего прихода посещала наш храм. Очень набожная, хорошая женщина: на все праздники молебны выстаивает, хоть и тяжело это в ее возрасте. Я каждый раз предлагаю ей стул, но она отказывается, представляете!

- Вы сказали, что Анна поначалу приходила с бабой Полей. Что, потом перестала?
- Думаю, у них слишком разные темпераменты, да и годы большие их разделяют. Анна активная, деятельная, а Полина... ну, сами понимаете. А в последнее время я стал встречать ее в компании другой женщины.
- Тоже вашей прихожанки?
- Честно говоря, я ее раньше не видел. Точнее, не замечал, наверное. Обратил на нее внимание лишь тогда, когда они с Анной начали общаться.
- А вы, получается, с ней не разговаривали?
- Хотел, но она каждый раз ускользала. Я решил, она по какой-то причине не желает общаться, и перестал пробовать.
- А у Анны о ней не спрашивали?
- Спросил, но она только сказала, что ее новую знакомую зовут Людмилой, и все.
- Уже что-то...
- Знаете, еще кое-что случилось. Не знаю, важно ли это...
- В нашем деле важно все, отец Серафим! – заверила его Алла. – Что вы хотели сказать?
- Перед тем как пропасть, Анна задала мне вопрос об ангелах.
- Об... ангелах?
- Ну да. Спросила, видел ли я их когда-нибудь или хотя бы слышал голоса.
- И что вы ответили?
- Правду, разумеется! Я сказал, что, к сожалению, не могу похвастаться лицезрением ангелов. Такая привилегия выпадает лишь избранным, и я, к несчастью, к ним не отношусь!
- И это все, что вы ей ответили?
- Анна, кажется, была разочарована, и я посоветовал ей почитать литературу по православной ангелологии, раз ее так интересует этот вопрос. С тех пор мы не виделись.
- Как думаете, почему Анну заинтересовала столь специфическая тема?
- Отец Серафим неопределенно пожал плечами.
- Людей часто занимают ангелы и их деяния, – ответил он. – Может, потому, что они – не люди? Ну, вот апостолы или святые, к примеру, – с ними-то все ясно. А ангелы – небесные создания, они ближе всего к Творцу нашему, а потому вызывают особый интерес. А еще, возможно, это оттого, что никто толком о них ничего не знает. Они упоминаются в священных текстах, но ангелы – таинственные существа, поэтому четкого представления о них нет ни у кого. Думаю, каждому хотелось бы встретиться с ними в жизни или хотя бы услышать ангельское пение... Но надо сказать, при нашем храме есть церковный хор, и некоторые люди, а особенно дети, поют как сущие ангелы, честное слово! Может, таков и был замысел Божий?
- Вы имеете в виду, что ангелы воплощаются в людях?
- Именно! – обрадовался батюшка тому, что Алла уловила его мысль. – Господь говорит с нами не лично, а через людей и их поступки. Главное – услышать, разглядеть, понять, что ОН с тобой беседует и направляет тебя. Наверное, и с ангелами так же!

* * *

Белкину казалось, что он вновь окунулся в атмосферу шальных студенческих лет. Тем, что они с приятелями вытворяли, живя в общежитии, он вряд ли согласился бы поделиться со старшими коллегами! В той жизни было много выпивки, девчонок и развлечений, какие могут быть интересны только очень молодым и незрелым людям. Шурик всегда был домашним мальчиком и, оторвавшись от семьи, в большом мегаполисе, изобилующем всевозможными соблазнами, просто следовал за теми, кто чувствовал себя здесь как рыба в воде. С тех пор прошло мало времени, но ему казалось, будто бы промелькнули десятилетия, и он стал совсем старым. Глядя на студентов, по большей части в мешковатой одежде, с разноцветными воло-

сами и кольцами в носу, он ностальгировал по своему недалекому прошлому: в университете МВД такая свобода была мечтой, а здесь ребята одевались кто во что горазд и не отказывали себе ни в косметике, ни в аксессуарах. Нельзя сказать, что у Белкина имелись с этим проблемы в его бытность студентом, но вид раскрепощенной пестрой толпы учащихся заставлял задумываться над тем, не лишился ли он чего-то важного в своей студенческой жизни. Территория вблизи кафедры семитологии и гебраистики (Шура и не слыхивал таких слов, пока Суркова не выдала ему исходные данные о Дорошиной!), в отличие от других, казалась довольно пустынной: по дороге он встретил не больше трех-четырёх студентов, медленно бредущих куда-то с задумчивым видом. Создавалось впечатление, что они никуда не торопятся и заняты мыслями, далекими от реальности. Интересно, чем занимаются люди, окончив факультет гебраистики? Вот Дорошина, к примеру, осталась на кафедре преподавать, а остальным куда?

В деканате ему сказали, где можно найти Ольгу Журенко, коллегу Анны – ее мать сказала, что они довольно близко общались. У Журенко, как выяснилось, был зачет, и Белкин отправился в аудиторию: наконец-то он узнает, что это за зверь такой, гебраистика! Но, к его удивлению, аудитория оказалась пуста. Там находилась всего одна женщина, сидела за кафедрой и читала журнал. Она подняла глаза, и Белкин получил возможность как следует ее рассмотреть. Простое, белокожее лицо, обрамленное коротким каре рыжеватых волос, едва заметные брови, курносый нос с россыпью веснушек, из-за чего она казалась моложе, чем должна быть на самом деле. Глаза небольшие и не сказать чтоб выразительные, однако в них светился ум, как принято выражаться. Раньше Шура не понимал, что имеют в виду люди, когда произносят эту глубокомысленную фразу, но в этот самый момент до него, кажется, наконец дошел ее смысл. Одежда преподавательницы показалась Белкину странноватой: длинный балахон неопределенного цвета, в котором буквально тонуло ее маленькое тело. Необычный прикид был обильно дополнен серебряными украшениями – ожерельями, браслетами, массивными кольцами и серьгами «конго», такими крупными, что у молодого опера появилось опасение, как бы тонкая шея преподавательницы не сломалась под их тяжестью. На Журенко не было ни капли косметики – видимо, она полагала, что и так неотразима. Либо, что, похоже, ближе к истине, ее не интересовало мнение окружающих, а одевалась она и украшалась исключительно для себя, руководствуясь собственными представлениями о прекрасном.

Белкин представился, показал удостоверение и, с любопытством окинув взглядом пустое помещение, поинтересовался:

– Я вообще туда попал? Мне сказали, что у вас зачет...

– Последний курс, вы же понимаете, – пожала плечами преподавательница и, видя, что визитер не в теме, пояснила:

– Многие работают уже не первый год, поэтому на семинарах и лекциях частенько присутствует минимум студентов. К слову, их и так всего шестеро!

– На всем факультете?!

– Не самый востребованный, – снова пожала плечами Ольга. – Да и учиться сложно: из всего набора на первом курсе к выпуску отсеивается процентов семьдесят! А зачет все получили либо заранее, либо я автоматом поставила... Так чем же моя скромная персона могла заинтересовать следственный комитет?

Белкин в нескольких фразах объяснил, какой информации от нее ждет.

– Аня стала странной, – покачала головой Журенко. – Я понимаю, что она пережила ужасную трагедию – не каждый справится, – но ведь не со всеми происходят такие изменения, верно?

– Какие именно?

– Разве вам ее мама не рассказывала – Анна ударилась в православие! Она всегда интересовалась такими вещами, но только с научной точки зрения: насколько мне известно, она и крестилась-то совсем недавно! У нас специфический факультет, мы изучаем не только Тору,

но и Библию, и жития святых, но, сами понимаете, под другим углом – мы пытаемся понять культуру семитов через их верования и историю, а не стать адептами какой бы то ни было религии! Анна вела себя нормально, пока не потеряла семью... Поначалу она вся черная ходила на работу. Декан предлагал ей взять академический отпуск, чтобы прийти в себя, но Аня пришла в ужас от такой перспективы, ведь дома каждый угол, любой предмет напоминал о том, что случилось! Но студенты не могли ничего не заметить. Они сочувствовали ее утрате, но у них своя жизнь и собственные цели. Главная – получить диплом, стать специалистами, найти престижную работу... ну, хоть какую-то работу, где платят деньги, если вы понимаете, о чем я. А Анна стала рассеянной, путала пары, повторяла одни и те же темы, забывая, что уже обсуждала их с учащимися... Пару раз даже не пришла на занятия! Да еще эти попытки суицида...

– Как вам стало о них известно – неужели сама Анна рассказала?

– Нет, конечно!

– Это же врачебная тайна!

– Честно говоря, я даже не знаю, как эти новости просочились в университет, просто в одночасье все стало известно. Студенты, да и мы все стали относиться к Ане по-другому... Ведь никогда не знаешь, как поведет себя человек, однажды решившийся свести счеты с жизнью, правда? Не дай бог, что-то не так скажешь или сделаешь что-нибудь, а это его расстроит, напугает или так огорчит, что он снова попытается, а вина ляжет на тебя... В общем, все изменилось.

– А как начальство отнеслось к такой перемене?

– Естественно, не обрадовалось, но что поделаешь – не увольнять же Аню за то, что она пережила трагедию, в самом деле! Вот ее и держали, хотя нагрузку постарались свести к минимуму. Но некоторое время назад все опять изменилось. Аня повеселела, снова начала улыбаться, и я, грешным делом, подумала, что она встретила мужчину. Однако оказалось, что дело не в этом. Какая-то бабка отвела Анну в церковь, представляете?! Не знаю, что там с ней сделали, но она не только крестилась, но и стала активно заниматься благотворительностью под руководством местного батюшки. Я решила, что все к лучшему, ведь она, по крайней мере, больше не помышляет о самоубийстве!

– Но что-то вас все же не устраивает?

– Не меня, нет – я согласна выслушивать Анины лекции о святых и мучениках, хотя, признаться, иногда это напрягает... Студенты недовольны. Соответственно, и деканат – тоже. Аню просили не насаждать православие среди студентов, тем более что некоторые из них придерживаются других вероучений или вовсе являются атеистами, но она, как все новообращенные, решила, что это – ее миссия на земле!

– Она что, стала проповедовать?

– Типа того. А должна была преподавать – это разные вещи, понимаете? Позже даже мне стало казаться, что ее отношение к религии какое-то не совсем обычное.

– Как так?

– Ну, она читает какую-то странную литературу. К примеру, однажды я увидела ее с толстой цветной брошюрой под названием «Житие ангелов».

– Что же тут странного?

– А то, что книжица эта к православию не имеет никакого отношения – это явно какой-то самиздат!

– Так вы что же, подумали, что Анна попала в секту?

– Не могу сказать, ведь она продолжала ходить в церковь... вроде бы. А потом неожиданно взяла отпуск в конце учебного года.

– Разве такое приветствуется в ваших кругах? Перед экзаменами...

– Знаете, декан только вздохнул с облегчением, ведь он давно пытался заставить ее это сделать! Конечно, это не обычная практика, и в рядовом случае никто бы не позволил ей оста-

вить студентов перед сессией, но в Аниной ситуации это оказалось наилучшим решением... Скажите, вы думаете, с ней случилось что-то плохое? Она ведь не хотела брать отпуск, предпочитала быть занятой, и тут вдруг, накануне экзаменов...

– А вы мне лучше расскажите, Ольга Матвеевна, не делилась ли с вами Анна своими планами по продаже жилплощади?

– Аня квартиру продала?! – Ольга выглядела озадаченной. – К матери, что ли, решила переехать?

– Значит, вы от нее об этом не слышали?

– В последнее время мы мало общались. Она все время либо читала свои брошюры, либо торопилась в церковь, так что на дружбу у нее времени больше не хватало. Но чтобы продать жилье... Нет, я такого и предположить не могла!

– Что ж, спасибо за откровенность, Ольга Матвеевна. Не могли бы вы подсказать мне, с кем еще я мог бы поговорить о вашей коллеге?

– Вряд ли она кому-то рассказывала больше, чем мне, но я, пожалуй, напишу пару телефонов – чем, как говорится, черт не шутит?

* * *

Мономах не мог думать ни о чем, кроме брата, пока не приступал к работе: во время операций у него не было возможности отвлекаться на что-то еще. Однако стоило ему закончить, и тревожные мысли возвращались. Он не сомневался, что Олег обязательно дал бы о себе знать, если бы с ним все было в порядке. Раз этого не произошло, значит, что-то случилось – и вряд ли что-то хорошее! Что такого мог поручить брату патриарх, из-за чего у него могли возникнуть неприятности? Олег не из тех людей, что способны загулять, забыть о времени и своих обещаниях, а он сказал, что скоро вернется и проведет время с младшим братом – Мономах не знал никого, кто держал бы слово с такой твердостью, как Олег Князев!

Он медленно брел по тропинке, ведущей к дому, время от времени оглядываясь, чтобы проверить, следует ли за ним Жук. На самом деле, этого не требовалось, ведь верный пес ни за что не оставил бы хозяина по собственной воле: он мог удаляться на большие расстояния, но всегда держал Мономаха в поле зрения. Машину Гурнова пропустить было невозможно: огромный матово-черный, словно гудрон, внедорожник «Порше» привлек бы внимание в любом месте. Иван любил эпатировать публику и мог себе это позволить: один из бывших тестей оставил ему приличное состояние, лишив наследства собственную дочь. И поделом, ведь именно Иван, несмотря на то, что развелся с женой, ухаживал за ее умирающим от рака отцом и добывал для него обезболивающие наркотики! Теперь Гурнов был настолько богат, что мог не работать, однако продолжал это делать, как он сам выражался, «ради искусства». Будучи одиноким человеком, он предпочитал проводить время на работе, в «царстве Аида», как за глаза называли патологоанатомическое отделение другие работники больницы, а не сидеть в одиночестве в своей огромной квартире. Правда, в последнее время жизнь Ивана стала меняться: он встретил женщину своей мечты, которая, по совместительству, оказалась ближайшей подругой Сурковой⁵. Марина Бондаренко занималась адвокатской деятельностью и слыла одним из лучших защитников в городе. Она имела дело с богатыми и известными клиентами, поэтому Мономах мог не опасаться, что Марина «повелась» на состояние друга, а не на его неординарную, интересную личность.

Высокая, тощая фигура Ивана замаячила на пороге дома: судя по всему, он из окна увидел возвращающегося приятеля и вышел ему навстречу.

– Что-то случилось? – спросил Мономах.

⁵ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Горькое лекарство».

– Ты мне скажи! – обиженно фыркнул Гурнов. – Почему я об Олеге не от тебя, а от других людей узнаю?

– От каких это – других? Я никому...

– От Темки узнал, он мне звонил.

– Интересно, с чего это мой сын звонил тебе?

– Просил приглядеть за тобой, чтоб ты, значит, глупостей не натворил.

– Какие такие глупости я могу...

– А то ты не знаешь! Между прочим, Олег и мне не чужой, так что, ты мог бы и сказать...

Короче, я буду следить за каждым твоим шагом, пока Темка занимается делами.

– Делами?

– Слушай, может, в дом войдем, чего на пороге-то стоять? – предложил Иван.

В гостиной Мономах присел на диван у низкого журнального столика, а Иван, раскрыв свой дипломат, вытащил оттуда пузатую бутылку «Арарата» и поставил перед приятелем. Мономах не был настроен выпивать, но ему пришлось встать и достать из серванта бокалы – в конце концов, друг о нем беспокоится, так разве можно отказать ему в гостеприимстве, если он сам же и принес угощение?

– О, наконец-то ты купил себе что-то новенькое! – с удивлением заметил Гурнов, пока Мономах разливал коньяк.

– Ты о чем? – спросил он.

– Часики твои, вот о чем! Это «Брайтлинг», если не ошибаюсь? И правильно: какой смысл в бабках, если их не тратить!

– Я их не покупал, – пожал плечами Мономах. – Темка подарил.

– Когда это он успел?

– Олег привез. Ну, когда заехал в больницу.

– Понятно... Ты, главное, не переживай, Артем во всем разберется!

– В смысле – разберется, с чем?

– Он сказал, что добьется встречи с патриархом.

– Что-о? – лицо Мономаха вытянулось. – Это он тебе сказал?

– Ага. А что?

– Да не выйдет у него ничего! Как ты себе это представляешь – думаешь, патриарх вот так вот легко согласится на встречу с каким-то...

– С племянником человека, работающего на этого самого Патриарха, да! – перебил Гурнов. – И я уверен, что все у Темки получится: он спортсмен и отлично знает, как добиваться своей цели!

– Да я-то как раз боюсь его излишнего рвения! – воскликнул Мономах. – Не хочу, чтобы он столкнулся с тем, о чем ни он, ни мы с тобой понятия не имеем!

– Господи, он что, в логово к вурдалакам собирается, в самом деле?!

– Ты не понимаешь, Ваня! Церковь – совершенно другой мир, этакое государство в государстве, у них свои разборки, и человек со стороны никогда не сумеет докопаться до истины!

– О, ты об этом... Считаешь, у них там, как в Ватикане? Как у Дэна Брауна?

Мономах тут же пожалел о своих словах. Гурнов обожал теории заговора, и он непременно ухватится за эту идею!

– Не думаю, что все так зловеще, – попытался он исправить ситуацию. – Просто мы, светские люди, вряд ли разберемся в церковных тонкостях, понимаешь? То, что для них важно, нам кажется странным...

– Брось, они – такие же люди, как и мы! – перебил друга Гурнов. – Я вот, к примеру, читал, что у нашего Патриарха сейчас большие неприятности!

– Какие неприятности?

– У него есть привычка сажать на хлебные места своих людей.

– А разве не везде так?

– Вот я и говорю – они такие же люди, как и мы! Так что не дрейфь, брателло, найдется Олег, и все будет пучком!

Мономаху очень хотелось бы разделить оптимизм Гурнова (которым, кстати, тот обычно не отличался), но мысли в его голове роились нехорошие. Когда они налили по второй, зазвонил телефон. Увидев на экране имя Сурковой, Момах быстро поставил бокал на стол, немного расплескав содержимое, и схватил трубку.

– Владимир Всеволодович, вы дома?

– Да, Алла Гурьевна, и со мной Иван...

– Это очень хорошо, что он с вами! Видите ли, у меня плохие новости о вашем брате.

Рука Момаха, державшая телефон, задрожала. Гурнов это заметил и передвинулся на самый краешек дивана с напряженным выражением лица: он пытался услышать, что говорит Суркова.

– Нашли машину Олега, – продолжала она. – В районе Красного Села. Видимо, произошла авария... Владимир Всеволодович, вы слушаете?

– Да-да, конечно... А Олег?

– В машине было тело, но...

Момах едва не выронил сотовый, но Гурнов успел его выхватить и сказал в трубку:

– Алла Гурьевна, это Иван. Говорите со мной, ладно? Я все слышал.

– Да, так даже лучше, – согласилась Суркова. – В общем, в машине Олега найден обгоревший труп...

– Обгоревший?

– Видимо, после аварии произошло возгорание...

– Насколько сильно обгорело тело?

– Практически полностью.

– То есть установить личность невозможно?

– Судя по тому, что автомобиль принадлежал Олегу Князеву...

– Это ничего не значит, извините! Когда это произошло?

– Двое суток назад. Тело лежит в морге как невостребованное, а машину отогнали на стоянку девятого отдела полиции Красносельского района.

– Камера поблизости от места аварии есть?

– Никаких камер, но у нас имеется кое-что получше – свидетели, дальнотбойщики.

– Так что же вы молчите! Они видели аварию?

– К несчастью, нет – проезжали мимо где-то в районе часа ночи и увидели пылающее авто. Они выскочили из кабины, схватили огнетушитель и попытались потушить пламя. К счастью, огнетушителей у них было два, поэтому им это удалось, но спасти уже было некого.

– А вторую машину...

– Они не видели.

– Экспертизу трупа проводили?

– Не сочли нужным, ведь причина смерти, по их мнению, очевидна!

– И каков план действий?

– Если ничего не делать, то будет так: Владимир Всеволодович востребует тело и захоронит его на свое усмотрение. Вы же понимаете, что в Красном Селе...

– Вы что-то делать намереваетесь, Алла Гурьевна?

– Я затребовала и тело, и машину – пусть наши эксперты поколдуют над ней, вдруг что-то нарисуеться?

– Алла Гурьевна, вы уверены, что водитель – действительно Олег?

– В таких обстоятельствах...

– Когда труп будет у вас?

– Завтра утром. Я позвоню и скажу, когда можно подъехать... на опознание. Передайте Владимиру Всеволодовичу мои глубочайшие соболезнования, хорошо?

– Разумеется. Спасибо.

Гурнов отключился и посмотрел на Мономаха. Тот сидел неподвижно, зафиксировав взгляд в какой-то точке на стене.

– Мне очень жаль, – проговорил Гурнов, опускаясь на диван рядом с другом и кладя ему руку на плечо.

– Еще не известно, Олег ли это, – покачал головой Мономах.

Гурнов удивился: оказывается, приятель вполне адекватен и внимательно прислушивался к разговору, в то время как Ивану на какое-то время показалось, что он выпал из темы. И его недоверие понятно: любой на его месте отказался бы принять смерть родственника как данность!

– Тело сильно обгорело... – тоном, каким обычно разговаривают с расстроенными детьми, начал было Иван.

– Ты же патологоанатом, верно? – перебил Мономах. – Разве ты не можешь провести, как это там у вас называется... расширенную экспертизу ДНК.

– Для этого мне нужно увидеть тело, но я... понимаешь, боюсь, что это вряд ли будет возможно.

– Почему? Есть же кости, зубы?

Иван глубоко вздохнул. Он не знал, насколько трезво способен мыслить Мономах, чтобы объяснять ему тонкости подобной работы. Однако тот внимательно смотрел на него и, похоже, ответ напрашивался положительный.

– Смотри, – сказал он, – получить пригодные образцы ДНК из обгоревших костей можно, но при определенных условиях. К примеру, температура горения не должна превышать трехсот градусов, и время воздействия должно быть небольшим. В двигателе температура где-то девятьсот – тысяча сто градусов, на нее влияет давление цилиндров. А температура открытого огня, если топливом является бензин – восемьсот-девятьсот. Это очень много!

– То есть ДНК костей разрушается?

– Безвозвратно. Раньше считалось, что ее все же можно выделить, но... Матричная активность ДНК сохраняется почти неизменной при ста градусах в течение двух часов. При более высокой температуре она резко падает, и в кости с начальными признаками обугливания практически не определяется. Мы не знаем, как долго горела машина, пока дальнобойщики не потушили огонь, но главное – температура.

– Понятно. Ты взглянешь на... труп?

– Даже не сомневайся! Завтра с утра Суркова обещала позвонить, и мы поедем. Вместе, лады? Я сделаю все как надо!

* * *

– Это точно? – спросила Алла, делая операм знак рукой рассаживаться: когда они вошли, она разговаривала по телефону с экспертом, изучавшим останки автомобиля Олега Князева.

– Абсолютно, – уверенно ответил тот. – Возгорание началось не в двигателе, а в салоне. А еще мы обнаружили следы горючей жидкости.

– Получается, дело не в аварии?

– Нет, авария тоже имела место, только вот автомобиль загорелся не от удара.

– То есть это поджог?

– Однозначно!

– Что ж, спасибо, Юрий Петрович... Как думаете, можно определить, что за машина стала причиной аварии?

– Это определенно был большой внедорожник с кенгурятником спереди – им и ударили машину жертвы при практически лобовом столкновении.

– А цвет...

– Черный: мы обнаружили краску на вмятине в двери со стороны водителя – удивительно, но она оказалась почти не тронутой огнем! Похоже, у вас предумышленное убийство, Алла Гурьевна!

Повесив трубку, Алла посмотрела на сидящих вдоль стенки оперов. Их лица выражали любопытство.

– Это по нашему делу, Алла Гурьевна? – спросил Белкин, как всегда, не сдержав любопытства.

– Нет, это... по другому поводу, Александр, – ответила она, не намереваясь делиться с сотрудниками подробностями: время для этого еще не настало. – Давайте лучше к нашим баранам. Большинство из вас отчитались о проделанной работе, но кое о чем мы поговорить не успели. Начнем с вас, Антон: что говорят покупатели жилплощади пропавшей Дорошиной?

– Как мы и предполагали, они ничего про Анну не знают – купили квартиру у мужика. Бумаги вроде в порядке, но надо проверить нотариуса.

– Отлично, проверьте! А мужика-то вы нашли?

– В том-то и дело, что нет! У нас имеются его данные, но его местонахождение неизвестно – как в воду канул!

– Очень интересно... – пробормотала Алла. – Вам не кажется, что в этом деле слишком много бесследно пропавших? Интересно, кто продал квартиру Анны мужику – она сама или там длинная цепочка «липовых» владельцев, передающих собственность из рук в руки со скоростью света?

– Думаю, второе, – хмыкнул Шеин. – Скорость и в самом деле впечатляет!

– Так поступают в том случае, когда спешат избавиться от жилья, сделку по которому можно оспорить, – кивнула Алла. – Чем длиннее цепочка, тем труднее ее размотать и доказать, что конечный владелец купил криминальное жилье!

– Как считаете, Алла Гурьевна, Дорошина жива?

– Давайте надеяться на лучшее. Сдается мне, тут действует не один человек – похоже на работу преступной группы – иначе просто невозможно повернуть такую аферу!

– Господи, да когда же это закончится?! – простонал Ахметов. – Куда ни плюнь – жилищные аферы! Неужели ничего нельзя с этим сделать, как-то защитить людей?

– Думаю, можно, – ответил на это Антон. – Просто это никому не нужно. Вернее, в этом не заинтересованы те, кто находится у власти: такое положение кому-то выгодно, сто пудов!

– Ну, не знаю, кому такое может быть выгодно... – вмешался было Белкин, но Алла решила, что сейчас не имеет желания выслушивать «авторитетное» мнение юнца по данному вопросу, а потому прервала дискуссию, грозившую перерасти в политический митинг.

– Давайте-ка вернемся к сути дела, товарищи! – громко сказала она. – Отец Серафим, с которым общалась Анна, рассказал мне кое-что интересное. После беседы с ним у меня сложилось впечатление, что Дорошина, хоть и покрестилась и стала работать на благо церковной общины, все же не нашла там того, чего безуспешно искала после гибели родных. Она умна и образованна, вряд ли ее удовлетворяла роль обычной прихожанки. Отец Серафим сказал, что они частенько дискутировали на тему религии, и ему было интересно с ней беседовать. Также он упомянул некую женщину, в обществе которой видел Анну. Эта дама, по словам Серафима, не из его паствы, но каждый раз, когда он пытался поговорить с новенькой, она таинственным образом испарялась, очевидно, не имея желания с ним встречаться.

– Очень странно, – заметил Антон. – Обычно люди прямо-таки из кожи вон лезут, лишь бы батюшка обратил на них свое внимание!

– Мне тоже так кажется, – согласилась Алла. – После знакомства с этой женщиной прошло совсем немного времени, и Дорошина пропала.

– Сдается мне, дамочка имеет к этому непосредственное отношение! – воскликнул Антон.

– Поэтому необходимо ее найти. В тот день, когда я беседовала с Серафимом, я взяла у него кое-какие данные о прихожанках, которые работали по линии благотворительности вместе с Анной – возможно, им известно больше, чем ему... Да, еще он упомянул один странный разговор, во время которого Анна интересовалась ангелами.

– Ангелами? – удивленно переспросил Дамир.

– Она спрашивала, верит ли он в них и доводилось ли ему лично слышать или видеть ангелов.

– Между прочим, Алла Гурьевна, коллега Дорошиной тоже об ангелах упоминала! – вставил Белкин.

– Вы мне не говорили! – нахмурилась Алла.

– Ну, тогда мне не показалось это важным, но теперь...

– А в каком контексте? – перебила молодого опера Алла.

– Она сказала, что видела у Анны брошюру под названием... кажется, «Житие ангелов». Я не понял, что тут странного, но Ольга сказала, что ничего подобного в классическом православии не существует, и книжечка явно самиздатовская, с отличными цветными иллюстрациями!

– Помню я такие книжки, – пробормотал Антон. – В девяностые бритые кришнаиты ходили по улицам и втюхивали толстенные такие тома, напечатанные в финских типографиях. Там тоже были потрясающие картинки!

– Это и в самом деле заслуживает внимания, – задумчиво проговорила Алла. – Пока не знаю, правда, как это «пришить» к нашему делу, но давайте-ка запомним данный факт: вполне может статься, он еще пригодится... когда-нибудь. А пока давайте сосредоточимся на поиске нашей неизвестной, с которой общалась Дорошина, а также на других пострадавших: по-моему, пришло время вплотную заняться ими и попытаться найти связь с делом Анны, если такая имеется. За работу, коллеги!

* * *

Народу на кладбище было мало – почти все знакомые Олега проживали в Москве, и Мономах никого из них не знал, поэтому не мог обзвонить и предупредить о похоронах. Иван Гурнов сделал все, что в его силах, чтобы попытаться опровергнуть первоначальные выводы судмедэксперта о том, что тело водителя действительно принадлежит брату Мономаха, но даже ему это не удалось: ДНК-экспертиза, как он и предсказывал, оказалась невозможной. Более того, череп жертвы был сильно поврежден – от него практически ничего не осталось, и огонь не имел к этому никакого отношения: скорее всего, покойника намеренно и долго, с невероятной жестокостью, молотили по голове, прежде чем запихнуть обратно в автомобиль! Рост и телосложение жертвы убийства совпадали с параметрами Олега, транспортное средство принадлежало ему, поэтому не было оснований полагать, что за рулем мог оказаться кто-то другой.

Алла стояла чуть позади Мономаха. Весь вечер накануне похорон она провела, судорожно ища подходящее для церемонии платье. Беда в том, что от одежды траурных цветов она избавилась, когда диета и спорт стали давать результат: еще два года назад она легко подобрала бы подходящий случаю наряд! Теперь же в ее гардеробе преобладали яркие или пастельные цвета и – ни одной черной вещи, если не считать делового костюма, который не совсем подходил для похорон. Тем не менее пришлось надеть его, так как покупать что-то новое не было

времени – следовало озаботиться этим заранее, но у Аллы за четыре дня не выдалось ни одной свободной минутки, чтобы не то что в магазин сходить, а даже просто задуматься об этом!

Ну почему, думала она, искоса поглядывая на мрачное лицо Мономаха, почему он всегда вляпывается в какие-то криминальные истории?! Казалось бы, человек мирной профессии, врач – что может с ним случиться? И тем не менее Мономах то и дело оказывается в эпицентре какого-нибудь расследования, более того, принимает в нем деятельное участие и порой даже добивается успеха! Может, ему следовало стать не медиком, а следователем или оперативным сотрудником... Однако впервые трагедия коснулась самого Мономаха. До сих пор он имел дело с малознакомыми или вовсе незнакомыми людьми, и вот, совершенно неожиданно, кто-то убил его брата. За что? Олег Князев вряд ли мог заинтересовать бандитов, будучи работником РПЦ, а религиозные фанатики не стали бы нападать на него – светского человека... Может, он вез с собой что-то ценное? Что, если злоумышленники охотились за этим предметом? Олег работает на самого патриарха – вдруг он вез с собой какую-то реликвию или, скажем, дорогую икону? Или, может, важные документы? Похоже, без свидетельства самого патриарха не обойтись. Алла уже предвидела выражение лица Деда, когда обратится к нему с просьбой найти возможность для нее встретиться с главным священнослужителем России! А если гибель Олега не имеет отношения к его работе? Вдруг он сам ввязался во что-то незаконное? По словам Мономаха, его брат святой, прямо ангел без крыльев, и все же...

Алла чувствовала себя уставшей. Сначала ей пришлось заехать на работу – оставались кое-какие срочные дела. Потом она отправилась в морг и в больничную часовню, где состоялось отпевание Олега. Алла впервые присутствовала на подобной церемонии и чувствовала себя несколько странно, когда священник вложил ей в руку зажженную свечу. Затем вся небольшая процессия, состоящая из Мономаха с его родителями, Гурнова, Аллы и батюшки в специально нанятом микроавтобусе проследовали на Северное кладбище. Алла не знала, зачем с ними поехал батюшка, но Гурнов тихонько объяснил ей, что он будет служить литию, финальную службу, перед тем как тело опустят в гроб.

– Неужели Владимир Всеволодович все это знает? – удивилась Алла. – Ну, про литию и так далее?

– Нет, конечно! – усмехнулся Иван. – Все это организовал патриарх. Это он лично позвонил отцу Феофану и попросил сделать все, как положено при похоронах истинно православного человека. Так и сказал – истинно православного! Вовке вообще ничего не пришлось делать: все организовал отец Феофан... Кроме поминок, разумеется.

Когда отец Феофан заканчивал литию, Алла заметила приближающихся к месту погребения людей. Их было трое. Светловолосый парень в темном светском костюме, мужчина постарше кавказской внешности, очень привлекательный, и невысокий и плотный человек в черном одеянии священнослужителя. Они шли прямо к вырытой для Олега Князева могиле.

– Темка! – тихо вскрикнул Мономах и рванулся вперед. Только теперь Алла поняла, что молодой человек – его сын. Она видела его портрет у Мономаха в доме, но на том снимке парень был лет на десять моложе, еще подросток.

– Ты приехал! – пробормотал Мономах, отстраняясь от Артема и оглядывая его с головы до ног, словно восстанавливая в памяти, как выглядит сын. Они общались по видеосвязи не реже двух-трех раз в неделю, но виделись в последний раз около года назад.

– Как я мог не приехать! – покачал головой молодой человек. – Это же дядя Олег!

– Да, да, конечно... Не могу поверить!

– Я тоже, пап, – вздохнул Артем и приобнял Мономаха за плечи.

На первый взгляд между отцом и сыном не наблюдалось большого сходства. Артем оказался на полголовы выше и шире в плечах. У него было узкое лицо с высокими скулами, а волосы светлее, чем у Мономаха. Лишь широко расставленные светло-серые глаза, совершенно одинаковые, выдавали в мужчинах близких родственников. А еще Алла заметила сходство в

мимике, что часто встречается, если члены семьи достаточно близки. Интересно, унаследовал ли Артем Князев свою аристократичную внешность от матери, или она досталась ему от какого-то другого родственника? Бывшей жены Мономаха на кладбище не было, а его родители стояли рядом с ним, и ни в одном из них Алла не наблюдала черт внука. Отец Мономаха держался стойко, а вот мать находилась в ужасном состоянии и цеплялась за локоть мужа, словно за спасательный круг. Алла подумала, что она, несмотря на то, что приходилась Олегу мачехой, видимо, сильно его любила.

Вторым мужчиной оказался какой-то близкий приятель Мономаха – они не пожали руки, а обнялись, и Алла слышала, как Мономах обратился к нему по имени – Диду. Третьего бывшего он, похоже, не знал, потому что спросил у сына:

– Кого это ты привел?

– Это отец Порфирий, – ответил Артем. – Он может кое-что нам рассказать, но это потом, после...

– Тебе удалось встретиться с патриархом?

– Я все-все тебе расскажу после похорон, хорошо?

Когда отец Феофан закончил литию, три кладбищенских работника стали опускать гроб в могилу. Мономах прикрыл глаза и судорожно выдохнул.

– Чего ты? – спросил Гурнов. Почти все время в морге, в часовне и здесь, на кладбище, он простоял плечом к плечу с другом, словно боясь отпустить его от себя даже на минуту – вдруг что-то плохое случится? Хотя, судя по всему, все самое худшее уже и так произошло.

– Не могу отделаться от мысли, что в гробу не Олег, – тихо ответил Мономах. – Этого просто не может быть, понимаешь? Ну не мог он так задешево себя...

– Не забывай, что уже доказано: его убили преднамеренно, и Суркова, можешь не сомневаться, этого так не оставит!

– Да я и не сомневаюсь...

Могилу засыпали землей. В какой-то момент на крест, временно установленный на образовавшемся холмике, села птица. Это был не голубь, а какая-то маленькая лесная птица, названия которой не знал никто из присутствующих, мало что смыслящих в орнитологии. Она покрутилась на своем «насесте», чирикнула что-то и, взмахнув зеленоватыми крыльями, улетела. Алла подумала, что, будь она верующей, обязательно восприняла бы это, как знак Божий: он послал пернатое создание проводить в последний путь своего сына... Но она, конечно же, понимает, что это – просто совпадение, ведь вокруг кладбища много деревьев и полным-полно птиц!

По окончании церемонии Диду уехал, тепло попрощавшись с Мономахом и Иваном. Остальные, включая Артема и отца Порфирия, уселись в микроавтобус. Ехали в полном молчании, исключая батюшек, которые вполголоса вступили в какую-то богословскую беседу. Алла поняла, что они, по-видимому, давно знакомы, но смысл их разговора ускользал от нее. Отчасти потому, что его предмет был ей чужд и непонятен, а отчасти из-за Мономаха. Все время от кладбища до часовни, где служил отец Феофан, он сидел, уставившись в окно с каменным выражением на лице. Алла видела, что он переживает, но не может себе позволить выплеснуть чувства перед теми, кто его любит. Возможно, в этом кроется причина того, что мужчины живут гораздо меньше женщин? Если бы они имели способность, как представительницы слабого пола, бурно выражать эмоции, а не держать все в себе, может статься, им удалось бы значительно продлить свое существование?

Отца Феофана высадили у часовни, а родителей Мономаха – у их дома: его мама почувствовала себя плохо, и они решили на поминки не ехать. В доме Сархат с Марией Борисовной, пожилой дамой, приходившей несколько раз в неделю прибираться и стирать, уже накрыли поминальный стол. При виде блюд на нем отец Порфирий одобрительно закивал: Сархат специально скачивал рецепт приготовления рисовой кутьи с изюмом и духовых пирожков с горо-

хом и чесноком. Борщ готовила Мария Борисовна: она не отличалась кулинарными талантами, но этот суп обычно ей удавался. Остальная еда, которую принято подавать в таких случаях, не отличалась сложностью – картошка, селедка, сыр, колбаса и так далее, нарезкой и красивой укладкой на блюдах занимался Денис. Алла заметила, что алкоголя на столе нет, только два больших графина с апельсиновым соком и клюквенным морсом. Ей всегда казалось, что на поминках люди пьют водку, но, очевидно, она чего-то не знает. Не разбираясь в подобных тонкостях, Алла переживала за то, как следует вести себя за столом, однако отец Порфирий все взял на себя. Его поминальная речь была короткой, но емкой, после чего все приступили к трапезе. Алла заметила, что Мономах ничего не ест. Его лицо оставалось сосредоточенным и невыразительным, словно мыслями он находился далеко от этого места. Она еще не видела его таким. Алле хотелось, чтобы они были более близки – тогда она имела бы право хотя бы поддержать его за руку и сказать какие-то ласковые слова! Она удивилась, когда ей позвонил Иван сообщить о дне похорон, и спросила, хочет ли Мономах, чтобы она присутствовала. Гурнов ответил утвердительно. Разговаривали за столом лишь Артем и отец Порфирий – в основном, о тех временах, когда Артем был маленьким и проводил много времени со своим дядей, когда тот приезжал в отпуск. Мария Борисовна тихо сновала от одного присутствующего к другому, подливая им напитки в стаканы и следя за тем, чтобы всем всего хватило.

– Нам с отцом Порфирием нужно поговорить с тобой, папа, – сказал Артем через некоторое время. – Это важно!

– Ну, ребятки, пора убирать со стола! – громко объявила Мария Борисовна, обращаясь к Сархату и Денису. – Давайте-ка, подсобите мне, живо!

– Я тоже пойду, пожалуй, – засобиралась Алла, поднимаясь.

– Нет! – неожиданно возразил Мономах.

– Па... – попытался было возразить Артем, но отец властно взмахнул рукой – Алла впервые заметила у него этот жест и изумилась: вот, оказывается, как ему удастся руководить большим и сложным отделением! В общении с ней он никогда не казался авторитарным, но, видимо, у него просто не было для этого повода.

– Алла Гурьевна должна услышать все, что вы хотите мне сказать, – тихо, но твердо сказал Мономах. – Это не обсуждается!

Отец Порфирий и Артем переглянулись, а Алла ощутила внутри себя волну тепла и благодарности к Мономаху за его слова, пусть они и вызваны не совсем теми чувствами, о каких она мечтала.

– Иван тоже, – добавил он. – Он – член семьи.

Против этого не возражал даже Артем. Отец Порфирий пожал плечами и согласно кивнул.

– Что ж, – сказал он, – пусть так. Только вы должны обещать, что ничего из того, о чем я собираюсь вам рассказать, не выйдет за пределы помещения, в котором мы будем беседовать.

– Тогда пойдемте в беседку, – предложил Мономах. – Там нас никто не потревожит.

Выйдя из дома, они прошли по мощеной плиткой дорожке к беседке, увитой плющом. Внутри располагались удобные кресла из ротанга и такой же столик. Иван, Алла, Артем, отец Порфирий и Мономах расселись вокруг него, и священнослужитель, откинувшись на спинку кресла и погладив бороду, начал.

– Во-первых, должен сказать, что я здесь только благодаря вашему сыну, Владимир... могу я к вам так обращаться?

Мономах молча кивнул.

– Не ожидал, что ему удастся добиться встречи с самим патриархом, но ваш сын удивительно настойчивый молодой человек! После того как они пообщались, патриарх позвонил мне и попросил сопровождать Артема в Санкт-Петербурге.

– Вы знали Олега лично? – глухо спросил Мономах, пристально глядя на отца Порфирия.

– Да, мы были хорошо знакомы, – ответил тот. – Думаю, без преувеличения можно назвать нас друзьями, хоть судьба и развела нас по разным городам... Трудно выразить словами, как я скорблю о его печальной участи! Олег был честным и целеустремленным человеком, если ему давали поручение, он исполнял его, независимо от того, насколько оно сложно и опасно.

– Опасно? – перебил Мономах. – Что такого могло быть в его работе?!

– Думаю, мне нужно посвятить вас в то, какое место занимал ваш брат при патриархе. Дело в том, что Олег работал в его службе безопасности...

– У патриарха есть своя служба безопасности? – не удержался от возгласа Гурнов. – Как в Ватикане?

– Мне казалось, что его охраняет ФСО, – поддержала патолога Алла.

– На больших мероприятиях – да, – подтвердил отец Порфирий. – Но вы же понимаете, что в нашей церкви существует множество проблем, которые не выносятся из ее стен! Людям вовсе необязательно знать обо всем, что происходит внутри епархий, ведь это может...

– Отвратить верующих от религии? – вставил Гурнов.

Мономах знал, что Иван, несмотря на широкие познания почти в любой области, являлся категорическим противником любой церкви. Он считал, что люди имеют право верить во что им хочется, хоть в Ярило, хоть во всемогущего Бонди⁶, но в тот момент, когда у религии появляются служители, отправляющие обряды, она перестает быть делом духовным и переходит в разряд финансов и политики.

– И это тоже, – не стал спорить с патологом отец Порфирий. – Вы должны понимать, что православная церковь – огромная структура, и в ней случается всякое – то же, что и в светском обществе.

Алла прониклась к нему симпатией после этих слов: он не пытался строить из себя непогрешимого блюстителя веры, убеждающего всех в кристальной чистоте помыслов всех, кто имеет отношение к РПЦ.

– И взятки берут, и положением злоупотребляют, и воруют, – продолжал отец Порфирий. – Справиться с этим нелегко!

– Разве вы не обращаетесь в полицию, когда такое происходит? – поинтересовалась Алла.

– Зависит от того, что именно случается, – спокойно ответил священнослужитель. – Конечно же, в случае членовредительства или, не приведи Господь, убийства – однозначно, да. Если речь идет о краже, имеет значение ее размер: когда он превышает определенную сумму, мы передаем дело полиции. В иных случаях зачастую разбираемся сами.

– Чем конкретно занимался мой брат? – задал вопрос Мономах.

Алла дивилась тому, как он изменился: от безучастности и мрачности не осталось и следа, он выглядел заинтересованным и сосредоточенным.

– Вы же понимаете, что я не могу рассказать вам все, да? – задал риторический вопрос отец Порфирий.

– Нам не нужно *все*, – ответила Алла, прежде чем Мономах открыл рот. – Только то, что непосредственно касается данной ситуации.

– На это у меня есть разрешение патриарха, – кивнул священнослужитель. – В последнее время Олег имел дело с сектантством, которое, как недавно выяснилось, пустило глубокие корни.

– *Недавно* выяснилось? – скептически выгнул кустистую бровь Иван.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – вздохнул отец Порфирий. – Людям непосвященным трудно понять разницу, однако я постараюсь объяснить... Видите ли, раньше сектантство носило сугубо дилетантский характер, и им занимались отдельные личности, проповедующие

⁶ Ярило – солнечный бог древних славян, Бонди – создатель мира в религии вуду.

самые невероятные ереси – я сейчас даже не говорю о всяких там «пятидесятниках», «иеговистах» и адвентистов седьмого дня! Сейчас же увеличилось количество людей, называющих себя батюшками и заявляющими, что принадлежат к православной церкви, хотя на самом деле это вовсе не так! Они строят храмы, даже целые поселки, убеждая народ в том, что их благословил на служение сам патриарх. Они собирают огромные суммы в качестве пожертвований, и в то же самое время никому не подчиняются и ни за что не несут ответственности! Так вот, Олег занимался проверкой таких отщепенцев, выясняя, есть ли в их действиях какая-то опасность...

– Погодите, что значит – «какая-то»? – перебил священнослужителя Гурнов. – Разве это не повод для обращения в полицию?

– Вы имеете в виду мошенничество, Иван? – спросила Алла. – Деяние считается мошенничеством и подлежит уголовному преследованию лишь в том случае, если фигурант извлекает из него материальную выгоду. Последнее не так легко доказать: даже свидетельства одного или двух человек не являются стопроцентной гарантией, ведь это – их слово против его. А без доказательств любое организованное сообщество – всего лишь кружок по интересам!

Отец Порфирий согласно кивнул.

– А еще, – мрачно добавил Мономах, – сомнительно, чтобы патриарх стал выносить сор из избы там, где мог справиться своими силами!

– И это тоже верно, – снова закивал отец Порфирий. – Вокруг нашей церкви и так ходит множество слухов, так к чему зря раздувать дело, которое, возможно, выеденного яйца не стоит?

– Чем занимался Олег, когда его... – Мономах не смог закончить предложение, но этого и не требовалось.

– До патриарха Савватия дошли слухи о некоем отце Досифее, организовавшем общину в Ленобласти. Все бы ничего, только вот Досифей этот якобы утверждает, что создать общину поручил ему лично патриарх, и от его имени он собирает пожертвования с прихожан и строит храм.

– А патриарх, значит, не в курсе? – уточнил Гурнов.

– Ни сном ни духом, – подтвердил отец Порфирий. – Мы попытались выяснить, кто такой есть этот самый Досифей и к какой епархии принадлежит, но так ничего и не узнали!

– Ну, Россия большая! – заметила Алла.

– В общем, – продолжал отец Порфирий, проигнорировав ее слова, – мы пришли к выводу, что искомый Досифей либо из расстриг, либо недоучившийся семинарист, либо и вовсе не имеет никакого отношения к нашей церкви. И это все – тоже не повод для расследования, особенно в такое непростое время, однако на Досифея стали поступать жалобы. Родители начали писать письма в Петербургскую епархию с просьбой вернуть их детей домой.

– Детей? – переспросила Алла.

– Ну, не подростков, разумеется! Люди-то взрослые, но они отчего-то неожиданно оставили дом и родных, отправившись к этому самому Досифею в... ну, в приход или в общину, не знаю, как он называет это место! С того момента, как эти люди отправились туда, связь с ними утеряна. Они отказываются возвращаться или как-то объяснять свое желание посвятить себя служению общине.

Алла давно стала подозревать, к чему ведет отец Порфирий, но в этот момент она по-настоящему напряглась: уж больно эта история напоминала дело, которое поручил ей Дед.

– До последнего времени у патриарха руки не доходили заняться Досифеем и его «церковью», однако недавно произошел вопиющий случай. Некая девица восемнадцати лет сбежала из общины и вернулась к родителям. У нее случился тяжелейший нервный срыв, а потом, с помощью психиатра, им все же удалось добиться от нее рассказа о том, что с ней случилось. Девица утверждает, что в общине царит жесткая, даже жестокая дисциплина, а молодых

девиц насильно заставляют выходить замуж за ее членов мужского пола. Не знаю, насколько можно доверять ее словам, ведь ей поставили серьезный психиатрический диагноз, но, вкупе с вышеперечисленным, ситуация вызывает беспокойство... Как я понял, девица сбежала только потому, что выбранный Досифеем «муж» жестоко с ней обращался, а так ее, в принципе, все устраивало! И да, вот еще одна странность: девушка постоянно упоминала какого-то Ангела, представляете?

– Ангела? – переспросила Алла.

– Ну да, мы-то поначалу решили, что это кто-то по имени Ангел – есть такое имя, довольно редкое, или просто она именует кого-то ангелом иносказательно, но, судя по словам психиатра, это не так: его пациентка свято верит в то, что некий «ангел» живет в общине и покровительствует ей и отцу Досифею! Такую богопротивную ересь стерпеть уже было нельзя, поэтому Патриарх Савватий поручил Олегу заняться расследованием того, что происходит в вышеназванной общине. Ему предписывалось опросить Досифея и его, гм... паству, выяснить, что там творится, и попытаться разыскать тех, о ком беспокоятся родственники. Кроме того, Олег вез с собой официальное письмо от патриарха, адресованное лично Досифею.

– И что в нем, в этом письме? – поинтересовался Иван.

– Я точно не знаю, но, полагаю, требование свернуть дела, распустить общину и отказаться от именования себя православным священнослужителем, коим он определенно не является!

– Получается, Олега убили из-за этого? – пробормотал Мономах. – Неужели этот Досифей полагает, что, избавившись от одного посланника патриарха, он уничтожит проблему? Разве он не понимает, что после случившегося внимание к общине станет еще больше?!

– Владимир Всеволодович, давайте-ка по порядку, – мягко сказала Алла. – Во-первых, мы не уверены, что Олега убили по приказу Досифея: согласитесь, причина для этого не столь уж серьезна – подумаешь, приехал человек от патриарха! Думаю, при желании обмануть его и пустить пыль в глаза не составило бы труда: в конце концов, люди приходят в общину добровольно, никто их насильно не удерживает, а все, что есть у патриарха, – слова психически неустойчивой девушки! Однако если предположить, что Досифей действительно решил уничтожить ревизора патриарха, то он вполне мог надеяться, что происшедшее сочтут несчастным случаем. Вспомните, в Красном Селе возбудили только дело об аварии, никто и не подумал выяснить, откуда началось возгорание – это стало известно лишь после того, как над автомобилем поколдовали наши эксперты! Никого не смутила и разбитая вдребезги голова жертвы – как же, был же пожар, он все спишет! Кроме того, не реши два дальнобойщика съехать с шоссе, чтобы отдохнуть, машина сгорела бы полностью – чистая случайность, предусмотреть которую никто не мог!

– И что теперь? – спросил Мономах. – Патриарх снова отправит туда кого-то? А вдруг...

– Никто никого никуда не отправит! – заявила Алла. – Смерть вашего брата, Владимир Всеволодович, уголовное преступление, а потому им отныне будет заниматься следственный комитет. Если будет доказана причастность Досифея к убийству, он отправится за решетку, а общиной займутся на предмет мошенничества и злоупотреблений. Но давайте, как говорится, решать вопросы по мере их поступления!

– Я лишь об одном хочу вас попросить, Алла Гурьевна, – проговорил отец Порфирий, пристально глядя на Аллу. – Дело, как вы сами видите, весьма деликатное, и нам с патриархом Савватием очень бы хотелось... ну, понимаете, чтобы расследование велось без лишней огласки.

– Никто и не собирался бежать в газеты и на телевидение, чтобы поскорее рассказать миру о случившемся! – поджав губы, ответила Алла; слова священнослужителя покорили ее.

– Я не хотел вас обидеть, – тут же извинился отец Порфирий. – Просто... видите ли, я прекрасно сознаю, что во всем этом есть и наша вина. Если бы этим делом занялись раньше,

возможно, ничего подобного не произошло бы... Но патриарх слишком много времени уделял внутрицерковным разборкам, навалилось множество дел, требующих срочного вмешательства, и в свете всего этого маленькая община, возглавляемая лжебатюшкой, не казалась такой уж серьезной проблемой! Патриарх допустил серьезную ошибку, в результате которой погиб человек. Очень хороший... И я хочу вас заверить, Алла Гурьевна, что, со своей стороны, окажу вам любую помощь и поддержку, какую только смогу! Я оставлю вам свои данные, и вы в любой момент, днем или ночью, сможете связаться со мной. Если вам что-то нужно – милости прошу!

– Спасибо, – слегка смягчившись, ответила Алла. – Думаю, ваша помощь пригодится!

Когда все разошлись, Мономах вытащил из заначки в кладовке пачку сигарет и вышел на крыльцо. Солнце садилось, воздух был теплым и свежим. Дул легкий ветерок, принося с собой запахи цветущей липы и дудника, а также зеленой озерной тины, в которой так любят копаться утки. Небо было окрашено во все цвета красного спектра, но к ним тут и там примешивались сиреневый, фиолетовый и лиловый, делая закат красочным и каким-то неземным зрелищем.

– Пап, ты же бросил! – услышал он голос сына и обернулся: Артем стоял на пороге, держа за ручку распахнутой двери.

– Закрой, а то мошкару напустишь! – буркнул Мономах вместо ответа.

Сын послушно захлопнул дверь и встал рядом.

– Ну и мне тогда дай, что ли! – потребовал он, протягивая ладонь.

– Еще чего! – фыркнул Мономах, отодвигаясь.

– Давай-давай, батя, не шурши! Я вообще-то не курю, но сегодня... Повод есть.

Мономах взглянул на сына. Сейчас тот выглядел осунувшимся и уставшим: он не заметил этого раньше. Вытащив из пачки еще одну сигарету, он протянул ее Артему и дал прикурить от своей. Некоторое время они молча курили, выпуская колечки дыма в прозрачный вечерний воздух и наблюдая за тем, как они расплываются, становясь все больше и прозрачнее, и плывут к горизонту, постепенно растворяясь в воздухе. Сейчас Мономах думал не о погибшем брате – о сыне. О том, когда он был маленьким мальчиком и ни минуты не сидел на месте. Темка без устали носился по квартире (этого дома тогда еще и в помине не было), и его совершенно невозможно было удержать. Эта непоседливость роднила его с сыном. Во всем остальном, как казалось Мономаху, Артем был больше похож на Олега. Тот учил мальчика кататься на велосипеде (Мономах был слишком занят в больнице), водил его на плавание... И вот теперь его сын, уже совсем взрослый мужчина, стоит с ним плечом к плечу и курит – ужас!

– Скажи, Тема, как ты добился встречи с патриархом? – спросил Мономах.

– Я вышел на одного из его помощников, – ответил сын. – Не спрашивай как, ладно? И сказал, что, если патриарх меня не примет, я пойду напрямую в СМИ, на одно из этих скандальных ток-шоу, и придам гласности все, что случилось с дядей Олегом. Понятное дело, патриарху это совершенно не нужно, ведь он сейчас находится в очень сложной ситуации! И потом, когда я все-таки с ним увиделся, мне показалось, что он искренне скорбит по дяде Олегу, потому что очень его ценил и любил. Если бы это было не так, он не прислал бы Порфирия и Феофана. Патриарх мог сочинить какую-нибудь правдоподобную байку и не посвящать нас в это дело, однако он этого не сделал, предпочтя честность...

– И что нам от его честности?! – в сердцах воскликнул Мономах. – Олег мертв, убит непонятно за что... Как думаешь, почему патриарх испугался твоей угрозы пойти в СМИ?

– Не думаю, что «испугался» – правильное слово, – задумчиво покачал головой сын. – У патриарха много проблем, его яростно критикуют. Сыграл роль и раскол с украинской ветвью, и скандал с Владивостокской епархией...

– Что за скандал?

– Ну, во-первых, патриарх Савватий посадил туда своего человечка, митрополита Сергия.

– И что тут странного? Разве не каждый начальник стремится работать с теми, кого хорошо знает, и понимает, чего от них ожидать?

– Да, но кандидатура Сергия с самого начала вызывала множество вопросов, и многие, если не сказать, большинство, не хотели видеть его митрополитом Дальневосточным и Приморским.

– Почему?

– Начнем с того, что он слишком молод: ты же, наверное, знаешь, что в православной церкви, как, впрочем, и в любой другой, чересчур молодых священников не жалуют!

– Только из-за этого?

– Да нет, конечно. Я свечку не держал, но говорят, что в свое время Сергей, в миру Дмитрий Ревко, с трудом окончил семинарию. Он не то чтобы звезд с неба не хватал – вообще еле-еле с учебой справлялся, а образ жизни вел разгульный, словно и не собирался сан принимать. Собственно, его дважды едва не исключили, и оба раза за него вступался патриарх, в то время еще не занимавший самой высокой должности в церковной иерархии, но уже пользовавшийся влиянием.

– Он что, его родственник? – спросил Мономах. – Ну, раз он так о нем радел?

– Опять же, говорят, он – сын двоюродной сестры Савватия, – пожал плечами Артем. – Не самая близкая связь, но патриарха частенько обвиняют в nepотизме, знаешь ли... Так вот, после окончания семинарии без особых, как ты понимаешь, успехов, отец Сергей стал быстро подниматься по карьерной лестнице. За считанные годы он, перескакивая через несколько ступенек разом, оказался близок к должности главы одной из самых богатых и престижных епархий. Стараниями высокопоставленного родственника он таки ее заполучил, но, судя по всему, доверия не оправдал. Патриарх смотрел на его выходки сквозь пальцы – не столько потому, что Сергей его родич, сколько из-за того, какое сопротивление ему пришлось преодолеть, продвигая митрополита на пост. Признать его несостоятельность означало бы расписаться в собственной неадекватности и в том, что единственной причиной, по которой он это делал, являются кровные узы!

– И откуда ты все это знаешь? – удивленно поинтересовался Мономах.

– Провел исследование, прежде чем соваться к патриарху, – повел плечами Артем. – Сергей, как сообщают, развратной жизни не оставил, хоть и имеет жену и детей, а также, что гораздо серьезнее, похоже, здорово проворовался. Теперь понимаешь, в каком положении находится сейчас Савватий, и почему ему было как-то не до Досифея?

Мономах кивнул.

– В общем, – продолжал сын, выдувая тонкими ноздрями сизый дым, – если станет известно, что под самым носом у патриарха долгое время процветала самая настоящая секта, а он и пальцем не пошевелил, чтобы пресечь ее деятельность, шумиха поднимется – мама не горюй!

– Как сказал Порфирий, таких групп по матушке-России немало, так почему именно эта в конце концов так взволновала Савватия?

– Во-первых, потому что Досифей прикрывается именем патриарха – только этого ему не хватало, понимаешь? Кроме того, в его так называемом приходе, похоже, нехорошие дела творятся, вот и послали, значит, дядю Олега со всем этим разбираться... А вон как вышло!

Они снова помолчали какое-то время, глядя на то, как ярко-красный солнечный диск медленно катится за горизонт в окружении золотистого сияния.

– Пап, как вообще получилось, что дядя Олег стал этим заниматься? – спросил Артем. – Он ведь юридический закончил!

– Сам не пойму, Тема, – вздохнул Мономах. – Твой дед всегда думал, что Олег пойдет по его стопам. Он считал меня шалопаем... да я, честно говоря, таким и был, и они с твоей бабушкой боялись, что из меня ничего путного не выйдет.

– Они ошибались! – возразил Артем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.